

Романовский альманах

жизненный путь
царя Михаила Романова к престолу
и богостромской брач

Е.Ю. Волкова, Б.К. Коробов

«Тяжела ты, шапка Мономаха!»:

*Жизненный путь
Михаила Романова к престолу
и Костромской край*

УДК
ББК

B676 **Волкова Е.Ю., Коробов Б.К.** «Тяжела ты, шапка Мономаха!»: Жизненный путь Михаила Романова к престолу и Костромской край. – Кострома: Костромаиздат, 2008. – 54 с.

Редакционная комиссия:

А.К. Шустов – доктор исторических наук, профессор,
Ю.В. Лебедев – доктор филологических наук, профессор.

ISBN

Изучив источники, литературу, свидетельства иностранцев, народные предания авторы впервые достаточно полно проследили жизненный путь Михаила Романова до вступления его на престол в 1613 году. Издание уникально тем, что иллюстрировано рисунками детей 8–15 лет – учащихся школ и интернатов Костромской области.

Издание адресовано детям среднего и старшего школьного возраста, а также всем, кто интересуется историей своего Отечества.

От автора

«Находясь Михаил в другой губернии,
он бы непременно пропал»

В.В. Беляев.

Михаил Романов вступил на престол, когда ему исполнилось 16 лет. Современные 16-летние девчонки и мальчишки усиленно готовятся к первым своим ответственным экзаменам на аттестат зрелости, а, танцуя на выпускном школьном балу, прощаются с детством, «счастливым», «безоблачным», «радостным», как обычно его называют. Перед ними открывается неведомая, трудная, но очень интересная взрослая жизнь.

Михаил Романов в 16 лет стал царем всей Руси. Перед ним стояла небывалая даже для царя задача — возродить государство после ужасов Смутного времени, то есть всеобщего кризиса.

Когда мы произносим слово «царь», то представляем себе дворец, корону, роскошь, одним словом, «царскую» жизнь. Бывают, конечно, и у царя «неприятности»: проиграл войну, подавил восставших крестьян или казаков, похоронил сына-наследника престола и т.п., но это уже во взрослой его жизни. Зато детство царя обязательно должно быть сказочным.

Михаил не родился наследником престола. Тем не менее, его семья была одной из самых влиятельных и богатых, принадлежала к ближайшему окружению государя. Поэтому детство Михаила должно было напоминать «царское», если бы не Смута...

Мы хотим рассказать о том, как прожил Михаил Романов до вступления на российский престол и о том, что связывало его с Костромским краем. Изучив источники, литературу, свидетельства иностранцев и даже народные предания, мы обобщили материал и постарались показать, как прожил Михаил первые свои 16 лет.

12 июля 1596 года молодой красавец, боярин Федор Никитич Романов устало возвращался от государя к себе домой. А там его ждала долгожданная весть – родился сын. Появился на свет Михаил, будущий первый царь новой династии Романовых, правивших в России более 300 лет. Радость отца была настолько велика, что сразу же «слетели с сердца у него заботы и печаль о делах государевых, разгладились на челе морщинки преждевременные, солнцем просиял взгляд его, глаза заблестели, а сердце бьется, прыгает от радости, точно в Святой день» [55. С.262]. От счастья Федор Никитич щедро одарил всех своих слуг. Чувства переполняли молодого отца: родился не просто ребенок, это был наследник. Теперь было кому передать свое богатство, опыт, влияние

при дворе. А Федор Никитич считался одним из самых богатых и влиятельных бояр России. Отец Миши, а также его родственники служили на высших государственных должностях, имели много земель в Псковской и Новгородской областях, в уездах Вологодском, Переяславском, Дмитровском, Коломенском, Московском, Юрьевском и др. Издавна они были связаны и с Костромским краем. Большие вотчины были у них в Костромском, Галичском, Буйском уездах. Михаил, один из братьев Федора Никитича, владел землями возле Нерехты. Вотчину другого брата Ивана из-за своих размеров даже называли «княжеством». Она занимала территорию от нынешнего села Унжа Макарьевского района до Кологрива. В нее входило 140 селений и проживало

3500 душ крестьян обоего пола [19. С.20].

Стоя на красивом резном крыльце своего богатого дома в центре Москвы, Федор радовался, что его сын будет расти в столице государства. Москва в то время была, по свидетельству иностранцев, очень большим и красивым городом, больше Лондона с предместьями, в окружности более 20 километров. Только в Кремле насчитывалось 35 каменных церквей, а по всей столице – более 400, колоколов – не менее 5 тысяч. В 1600 году в Кремле была построена великолепная колокольня Ивана Великого. Во время праздников, когда звонили все колокола, людям приходилось громко кричать, чтобы услы-

шать друг друга. Расширялись улицы, все чаше их мостили деревом. В городе знатные бояре строили много красивых домов из ценного соснового леса в несколько этажей. У дома обычно возводили большое крыльцо, дощатую свисающую кровлю. На дворе строились дополнительно летние спальни и каменные кладовые. Вокруг дома разбивали красивый сад.

Любаясь закатом, Федор вспомнил предание, которое передавалось в роду Романовых в течение нескольких веков. В 1283 году их далекий предок Гландус Камбила пришел из Пруссии в Москву, в то время маленький городишко, обнесенный деревянным частоколом, и на-

нялся на службу к первому московскому князю Даниилу Александровичу (1276–1303), сыну Александра Невского. После крещения Г.Камбила получил имя Иван, а в народе его стали называть Кобылою.

С тех пор так и повелось – представители рода всегда находились в ближайшем окружении правителей Руси. Уже ближайшие потомки Ивана занимали очень высокое положение в обществе, выполняли самые ответственные поручения великих князей и царей. Например, его сын Андрей Иванович вместе с Алексеем Босоволковым в 1347 году ездили сватать dochь тверского князя Александра Михайловича Марию за Великого Владимира и Московского князя Семена Ивановича Гордого (1340–1353). Федор, пятый сын Андрея Ивановича, по прозвищу Кошка (раньше фамилии давались по прозвищу или имени деда) был одним из ближайших сподвижников московского князя Дмитрия Ивановича Донского (1359–1389). Скорее всего, именно Федору была оказана высокая честь – защищать Москву, когда происходила знаменитая битва с Мамаем на Куликовом поле в 1380 году. Иван, старший сын Федора Кошки, был пожалован

великим князем Василием I (1389–1425) высшим саном – «боярина». От него и происходил собственно род Романовых.

Сын Ивана Кошки Захарий Иванович владел крупнейшими соляными варницами в Нерехте. Он опознал знаменитый золотой пояс, украшенный изумрудами и рубинами, в котором Василий Косой красовался на свадьбе Василия II Темного (1425–1462) в 1433 году. Когда-то этот пояс был частью приданого Евдокии, жены Дмитрия Донского. Но на их свадьбе пояс подменили на менее ценный. В конечном итоге он достался Василию Косому, двоюродному брату царя Василия II. Мать царя Софья Витовтовна при всех сорвала пояс с князя как собственность своего семейства, беззаконно перешедшую чужим. Это послужило поводом к жестокой феодальной войне за Московский престол.

Средний сын Захария, Юрий Захарьевич был боярином и воеводой при Иване III (1462–1505), сражался с литовцами в знаменитой битве на Митьковом поле на реке Ведроши 14 июля 1500 года. Благодаря внезапной атаке засадного полка литовцы были вдребезги разбиты, а гетман князь Константин Острожский со всеми литовскими воеводами взят

в плен. Брат Юрия, Яков Захарьевич в конце XV века на короткое время был наместником в Костроме. От Романа, сына Юрия Захарьевича, скончавшегося в 1543 году, происходит фамилия Романовых. Роман Юрьевич был высоким (178–183 см), атлетически сложенным мужчиной. У него было узкое продолговатое лицо, высокий прямой лом, светлые волосы. Он был любимцем своего отца.

Еще большее влияние Захарини приобрели в царствование Василия III (1505–1533). Именно они сыграли решающую роль в выборе второй жены для царя — красавицы-литовки Елены Глинской. На свадьбе, состоявшейся 21 января 1526 года, дружкой жениха Василия III был Михаил Юрьевич Захарин, свахой с его стороны была жена Захарина.

3 февраля 1547 года Романовы поднялись на небывалую высоту: они породни-

лись с самой царской династией. 16-летний царь Иван IV Грозный (1533–1584) венчался с дочерью Романа Юрьевича Захарина — Анастасией. Все родственники Романовых отныне стали играть ведущую роль в политике, но особой популярностью пользовался младший сын Романа Юрьевича Никита Романович — брат царицы и дед Михаила. Он прославился как талантливый полководец и храбрый воин во время Ливонской войны, занимал при дворе ответственные должности спальника, мыльника, рынды (телохранителя), в 1563 году дослужился до боярского чина и был одним из ближайших соратников царя Ивана Грозного. Однако в период oprichniny Ивана Грозного род Захариных-Юриевых был практически весь истреблен. Из всех мужчин — потомков Федора Кошки в живых остался лишь боярин Никита Романович Захарин.

Никита Романович Захарин-Юрин был высокого роста (175–180 см). У него была большая голова и очень широкое лицо. Никита жил в своей усадьбе в Москве, в Китай-городе на улице Барабарке. Площадь усадьбы превышала 3 тысячи квадратных метров. На ее территории размещались разные строения, в том числе два каменных дома, которые получили названия «дом на верхних погребах» и «дом на нижних погребах». В первом сейчас открыт Музей боярского быта XVI–XVII веков «Палаты на Зарядье». С запада усадьба граничила с английским подворьем. Никита Романович дружил с англичанами.

От двух жен у Никиты Романовича было пятеро сыновей и пятеро дочерей. Это был мужественный, храбрый вельможа, всеми уважаемый. Никита Романович

— единственный московский боярин XVI века, которого очень любил простой народ и даже сложил о нем песни. В них боярин изображался как богоизбранный защитник народа во времена Грозного царя.

Мы видим, что род Романовых был очень богатым и влиятельным. Казалось, не было такой силы, которая смогла бы пошатнуть его положение. Но судьба распорядилась иначе...

Умирая, Иван IV поручил сыновей Федора и Дмитрия своим самым близким вельможам, среди которых был и Никита Романович. Когда в 1584 году на престол взошел Федор Иванович (1584–1598), самым большим влиятельным из бояр пользовался Никита Романович, но через несколько месяцев он стал болеть. Как утверждал англичанин Джером Горсей он «был околовован и внезапно лишился языка и рассудка; но еще жил некоторое время» [14. С.107].

23 апреля 1586 года Никита Романович умер. Этим воспользовался боярин Борис Годунов. Его сестра Ирина вышла замуж за царя Федора. После смерти Никиты Романовича Годунов стал ближайшим правителем при Федоре. Его влияние на царя было огромно. И все же высокое положение при дворе Никиты Романовича дало возможность его сыновьям и дочерям породниться с другими известными родами: князьями Сицкими, Черкасскими и даже с Годуновыми. Это еще более укрепило положение рода. Дети Никиты Романовича приходились двоюродными братьями и сестрами царю Федору Ивановичу, что сразу же выделяло их из знати.

Ярче всех был старший из пятерых сыновей Никиты Романовича Федор —

отец будущего царя Михаила. Он родился не ранее 1554 года от второй жены Никиты Романовича — княжны Евдокии Александровны, происходившей из рода знаменитого полководца князей Горбатых-Шуйских. Когда умер отец, Федору было чуть больше 30 лет. Он был красивым, ловким, подающим большие надежды вельможей, а также известным в Москве ццеголем. Федор постригал бороду, носил недлинные волосы на голове. Он превосходил всех роскошью одеяний и умением их носить, являлся законодателем мод для всех придворных. По обычаям того времени одежда Федора была очень красочная: преобладали красный, фиолетовый, зеленый цвета. Если московский портной хотел попытаться заказчику, примерявшему наряд, он говорил ему: «Ты теперь совершенно Федор Никитич!». Как и все богатые мужчины, он носил ожерелья или золотые цепи на шее, достигавшие весом до двух фунтов, т.е. до 800 г, и даже серьги в ушах. Как боярин, то есть высший сановник, он имел право носить одновременно несколько шапок. Сначала надевалась маленькая шапочка — «тафья», на нее — остроконечная шапка «колпак», а сверху — огромная, величиной с ведро, так называемая «горлатная» шапка.

Федор был добрый и ласковый. На него перешла всеобщая любовь, которую народ питал к его отцу. Федор считался одним из самых образованных людей своего времени, был очень любознательным. Джером Горсей вспоминал о том, что он написал для Федора Никитича латинскую азбуку на славянскими буквами, которая «доставила ему много удовольствия» [14. С.107].

Жил Федор Никитич на широкую ногу.

Его дом всегда был полон друзей. Веселые пиры и шумные выезды на охоту с десятками псарай, сокольничих, конюхов и телохранителей всегда вызывали восхищение у жителей Москвы. Толпы народа во все глаза смотрели на великолепных коней, охотничих собак и ловчих птиц Федора, которые были одними из лучших на Руси. Он не мог допустить, чтобы нашелся лучший, чем он наездник или более удачливый охотник. Одним из любимых его занятий было меряться силой в кулачном бою с друзьями. Но он не допускал пьяного разгула или разврата, что частенько происходило во времена Ивана Грозного.

Сначала все складывалось очень хорошо. Федор Никитич укрепил союз с Борисом Годуновым. Даже своего первенца Романов назвал в честь Годунова Борисом. Повидельству историка С.М.Соловьева «есть также известие, что Годунов, желая заставить Романовых забыть права свои на престол, дал старшему из них, Федору Никитичу, страшную клятву, что будет держать его, как брата и помощника, в деле государственного управления» [66. С.341].

Федор Никитич служил рынданой, а в 1586 году получил боярский чин, заменив в Думе умершего отца. С этого времени и до конца царствования Федора Ивановича во главе государства стояли «три великих ближних боярина»: князь Федор Иванович Мстиславский, Борис Годунов и Федор Романов. В 1596 году Федор Никитич был назначен боевым воеводой в полк Правой руки.

Федор Романов часто бывал при дворе, на приемах и просто по делам. Особенно почетные приемы устраивали по слам. Федор Никитич вместе с другими

сновниками сидел в дорогих нарядах, украшенных золотом, драгоценными камнями в шелковых и парчовых одеждах. Государь сидел на возвышении. За ним стояли рынды в белой одежде, бархатной или атласной, опущенной горностаем, в высоких белых шапках, с двумя золотыми цепями, крестообразно висящими на груди, с драгоценными секираами, поднятymi на плечо, как для удара.

Во время торжественных царских обедов прислуживали от 200 до 300 слуг в парчовой одежде, с золотыми цепями на груди, в черных лисьих шапках. На столах находились только хлеб, соль, уксус и перец. Слуги разносили десятки блюд с едой, вина, мед. Каких только деликатесов не подавали: лебеди, журавли с пряным зельем, петухи с имбирем, уха куриная шафранная или черная или белая, куры бескостные, тетерева с шафраном, рыбочки со сливками, утки с огурцами, гуси, зайцы в лапше и репе, калачи, пироги с мясом, с сыром, блины, оладьи, орехи, пили меды, сделанные из разных ягод, кисель, сливки и пр.

В те времена одним из развлечений были медвежьи бои. В назначенный час собирались зрители. Место поединка обносали глубоким рвом для безопасности зрителей и для того, чтобы медведь и охотник не смогли убежать. Выходил охотник с рогатиной. Из клетки выпускали медведя, который при виде человека вставал на дыбы, ревел и бросался на него. Охотник сильным ударом всаживал рогатину в зверя, а другой ее конец ногой придавливал к земле. Раненный зверь с ревом пытался освободиться от железного наконечника рогатины. Если не мог одолеть, падал на бок и с глухим ревом умирал. Зрите-

ли громко приветствовали победителя и вели в царские погреба, где он выпивал за здоровье царя. Но не всегда поединок заканчивался победой человека. Недостаточно опытного или слабого охотника зверь, сломав на куски рогатину, зубами и когтями разрывал в считанные секунды.

Как один из высших сановников Федор Никитич сопровождал царя в разные поездки. Это было великолепное зрелище, посмотреть на которое сбегались люди со всей округи. Например, однажды царская семья поехала на богомолье в Троицкую слободу в связи с предстоящей помолвкой красавицы Ксении, дочери царя Бориса, с датским герцогом Иоанном. «Впереди всех ехали шестьсот человек верхом и двадцать пять лошадей все в золоте и серебре; за ними две кареты: пустая, царевича, обитая красным сукном, и другая — обитая бархатом, где сидел государь, обе в шесть лошадей; около первой ехали верховые; около второй шли придворные чиновники. Далее ехал верхом молодой царевич; лошадь его вела знатные бояре. Через полчаса выехала царица в великолепной карете; в другой, со всех сторон закрытой, сидела царевна: первую везли десять белых лошадей, вторую восемь. Впереди — сорок лошадей и дружины престарелых вершников с длинными седыми бородами; сзади — двадцать четыре боярина на белых лошадях. Шляпы боярьи украшались золотыми пуговицами и кистями, висевшими до плеч, а сапожки на них желтые. Вокруг шли триста приставов с жезлами» [22. С.255].

Где-то в 1590 году Федор Никитич женился на красавице Ксении Ивановне Шестовой. На их свадьбе присутство-

вали царь Федор Иванович и Борис Годунов.

Ксения родилась около 1579 года, происходила из обедневшего, но древнего и весьма достойного рода Шестовых. Отец ее, Иван Васильевич Шестов вел свой род от древнего князя Михаила Прушанина, выходца из поморской Пруссии, поступившего на службу к великому князю Александру Невскому, и отличившемуся в Невской битве. Уже в XV веке потомки Михаила Прушанина породнились с Романовыми.

Ксения была обучена грамоте, что в то время было крайне редким явлением. В приданое она получила село Домнино Костромского уезда с 57 деревнями и починками. Кроме того, от матери ей перешло село Климентино Угличского уезда с 14 деревнями и пустошами.

Федор с Ксенией зажили душа в душу. Свою любимую жену Федор одевал в самые лучшие наряды: на голове она носила шелковый белый платок, поверх него — большую парчовую шапку, увенчанную жемчугом, золотые серьги с изумрудами и яхонтом, ожерелье жемчужное, длинное широкое платье из тонкого красного сукна, которое застегивалось на золотые пуговицы, с отложным большим собольим воротником. Под этой верхней одеждой носила леггин — шелковое платье с рукавами, до локтя обшитые парчой, на руке — браслет из драгоценных камней, на ногах — сафьяновые сапожки на высоких каблуках, желтые или голубые, вышитые жемчугом. По обычаю того времени Ксения белилась и румянилась.

Дом Федора Никитича, как традиционно на Руси, славился знаменитым русским хлебосольством. Здесь блюда

уже были не «царские», но не намного отличались по обилию и качеству. После обеда полагалось 2–3 часа отдохнуть. А вечером съездить на охоту: затравить волка, с помощью борзых поймать зайца. Часто ходили в баню. Были богобоязненны, отличались терпимостью.

Как бы в награду за счастливую жизнь в семье Романовых первыми родились сыновья Борис и Никита. Особенно был рад отец – у него появились наследники. Но вскоре родителей постигло первая невосполнимая утрата. 20 ноября 1592 года от неизвестной заразной болезни умер Борис, а через год 29 ноября 1593 года – Никита. Горе родителей было безмерно. В 1593 году родилась дочка Танечка. Федор Никитич очень любил ее, но мечтал о наследнике. И вот 12 июля 1596 года, вернувшись со службы, он узнал долгожданную весть

– родился сын. Младенец выглядел крепким, здоровым и очень походил на отца. Вскоре сына крестили и дали имя Михаил.

Однако в первый же год рождения родители чуть не потеряли Мишу. Лето выдалось очень жаркое. Вокруг Москвы горели леса, город был весь в дыму. Даже через закрытые окна он проникал в дома, было трудно дышать. Маленький Миша задыхался, плохо ел, много плакал. Родители очень боялись за его жизнь, но уехать к себе в костромскую вотчину боялись: младенец мог не пережить далекую дорогу в сильную жару. Наконец, начались дожди. Дышать стало легче. Опять стало весело в семье Романовых.

Но молодым родителям грозили новые испытания. В 1597 году родился сын Лев, но через несколько месяцев умер. В 1599 году у Романовых появился на свет четвертый сын Иван и тоже вскоре умер. У родителей глаза не высыхали от слез. В живых остались только Таня и Миша – единственный наследник. Вся любовь родителей, бабушки Марии Акинфьевны, многочисленных нянек обратилась на Мишу.

Однажды в дом к Романовым пришла старуха-вязальщица, присланная от княгини Милославской учить девушки какому-то особенному замысловатому узору. Марфуша, одна из служанок, провела ее в детскую показать Мишу. Бабушка Мария Акинфьевна заметила, что старуха была одноглаза и очень испугалась этому. Ей показалось, что старуха посмотрела на Мишу недобрый взглядом. Бабушка выгнала ее из комнаты, а сама сбрызнула ребенка креценской водой. Напрасно она переживала: Миша по-прежнему был весел и здоров. Однако впереди ее внука все-таки ждали страшные испытания.

Федор Никитич очень любил Мишу. В любую свободную минутку он приходил в детскую комнату и играл с сыном. Приносил разные игрушки: лошадку, выточенную из кости, свистульку с бубенцом серебрянью, специально заказал для него сафьяновые туфельки с затейливым узором в Кизельбашском ряду. Маленького Мишу одевали в шелка, парчу, бархат. В то время одежда мальчиков и девочек практически не отличалась. Девочки лишь носили серьги.

Миша рано начала говорить. Нянька Степанида умилялась: «Ишь ты какой, батюшка, чудный — лопотать начал! Вот тебе, Танюшка, с кем и будет теперь поговорить-то». Однако отец нашел своим детям других «собеседников». Сходил он в государеву потешную палату, где в

особом отделении содержались разные певчие птицы: соловьи, дрозды, чечетки мохнатые, а также привезенные из далеких стран попугаи. Перша Гурьев, присматривавший за птицами, выбрал для Романова двух красивых попугаев: хохолок белый, сами ярко-зеленого цвета, а лапки красные с белым. Придворный карлик Ониська научил их разговаривать.

Клетки с птицами принесли в детскую. Таня с Мишой с восторгом стали их рассматривать и вдруг слышат, как один из попугаев говорит: «Будь здрав, господине!». Все невольно ахнули и отскочили от клетки, широко открытыми глазами продолжая смотреть на это чудо. Не отстал от первого и другой попугай, промолвив: «Лентяй ты, Лукашка!» Дети и взрослые долго смеялись.

Больше года жили попугаи в доме Романовых. Стали совсем ручные. Но однажды один из них умер. Вскоре с тоски по товарищу умер и другой. Дети очень расстроились, долго плакали. Маленький Миша не мог понять, почему птичка не шевелится, не говорит. Он впервые столкнулся со смертью. Это была всего лишь птица, но ее смерть потрясла мальчика. Он еще долго спросонья подбегал к клетке, думаю, что

птичка опять появится там. Но ее не было. Отец пытался найти нового говорящего попугая для детей, но сумел достать только маленького, который не умел говорить.

Чтобы как-то занять ребенка и отвлечь его от мыслей о погибших птицах мать велела пригласить в дом к нему Ивашку Таракана и Ваську Миняева, детей дворовых людей. Миша шел четвертый годик, а они были старше его на три года. Миша, игравший только с сестрой, выросший среди взрослых, боялся этих ребят. В свою очередь, и они побаивались боярского сына. Дети не подружились. И опять Миша тихонько играл со своей сестренкой, слушал сказки и песни няни про котика-кота и лазоревую птичку.

Федор Никитич мечтал вырастить из Миши достойного наследника, уже планировал, кого он пригласит из учителей. Но наступил 1600 год...

x x x

Счастливое детство Миши закончилось, когда ему шел пятый год. На его родителей и в целом на весь род Романовых обрушились большие беды. Счастливой семейной жизни Федора Никитича Романова, а также его возвышению по службе завидовали многие в Москве. Однако хуже всего то, что этому завидовал царь Борис Годунов (1598–1605). Он тоже был умным, талантливым руководителем, прекрасным семьянином. Годунов использовал разные средства для привлечения симпатий знати и народа, пытался проводить реформы, закладывал новые города и крепости. Но царь никак не мог завоевать место всеобщего любимца, которое

было у Романова. Его щедрые милостыни пользовались меньшей популярностью у горожан, чем возможность подивиться на новый наряд или свиту Федора Романова.

Уже в первый год своего царствования Борис Годунов обидел Федора Никитича. Во время военного похода в Серпухов Борис не только не удостоил Федора первого воеводства ни в одном полку, но поместил его последним в списке бояр. Большего оскорбления Романовых, казалось, придумать было нельзя! Борис Годунов пытался сразу показать, что теперь именно он правит государством. При раздаче чинов после венчания Бориса на царство Романовы также были практически обойдены. Но Федор Никитич не только не возмутился публично, что сделал бы в то время всякий родовитый человек, но даже не подал вида, что оскорблен. Годунов в изумлении понял, что не может оскорбить Романовых. В свою очередь и Романовы не давали ни одного повода для обвинения их во враждебных намерениях. В глазах русской знати Романов становился безусловным претендентом на престол. А Годунов, скрепя сердце, продолжал внешне демонстрировать «светлодушие» и «любительство» к Романовым.

На рубеже веков Борис Годунов заболел. Его состояние резко ухудшилось осенью 1600 года. По городу ходили слухи, что царь смертельно болен. Пришлось даже отнести его на носилках в кремлевскую церковь, чтобы народ увидел, что царь еще жив. Федор, малолетний наследник Бориса, имел совсем мало шансов удержать трон после смерти отца. Новая династия Годуновых пока не укоренилась. У больного царя оставалось единственное средство

на ее спасение. Он постарался избавиться от претендентов. Самыми первыми из них были Романовы, тем более что народ уважал и любил Романовых за их добротельную жизнь и благородные качества.

Опала Романовых началась в октябре-ноябре 1600 года. В народе ходила молва, что царь Федор Иванович перед смертью объявил своим наследником Федора Никитича Романова. Скорее всего, это не так, но Годунов боялся Романовых. Царь Борис стал подозревать всех в измене. Награждал доносчиков. Поэтому доносительство стало самым обычным явлением, легким способом обогащения и возвышения. Дворянин Бартенев, казначей Александра Никитича Романова, донес, что будто бы тот хранит у себя в казне волшебные коре-

ны и хочет «испортить» царскую семью.

В ночь с 25 на 26 октября несколько сотен вооруженных стрельцов ворвались в дом к Александру Никитичу и устроили обыск, в ходе которого «вынули» коренья. В итоге обвинили всех Романовых. Отца и дядьев Михаила отдали под стражу, учили допрос и даже применили пытки.

Братьев Романовых обвинили в тяжайшем государственном преступлении — покушении на жизнь царя. Наказанием за это могла быть только смертная казнь. Пристав обвинял закованного в железа Федора Романова: «Вы, злодеи-изменники, хотели царство достать ведовством и корнем». Царю Борису Годунову помогли и представители других княжеских родов, которые давно были недовольны

чрезмерным возвышением Романовых. Члены Боярской думы с яростью стали обвинять «изменников». Годунов думал несколько месяцев, как ему поступить с Никитичами. Наконец, их судьба была решена. Вотчины и поместья опальных раздали другим. Дома, имущество взяли в казну, а самих отправили в ссылку.

Для 4-летнего Миши с арестом родителей и других его родственников детство закончилось. Он не понимал, что происходит. Мальчик только слышал, как часто плачет мама, причитает бабушка, а отец перестал приходить к нему играть.

Наступил конец июня 1601 года. Однажды утром Мишу одели в самое простое платье, посадили на бедную повозку и куда-то повезли. Мальчик недоумевал. Почему с ним не поехала мама или бабушка? Сним осталась только старшая сестренка Таня да тетки - Анастасия Никитична и Марфа Никитична Черкасская с мужем князем Борисом Камбулатовичем Черкасским и дочерью Ириной, а также Ульяна Семеновна – жена дяди Михаила Александра Никитича. Он их любил, но они были для него фактически чужие. Путь их лежал на Белое озеро. Таким образом, он был разлучен сразу с обоими родителями и даже бабушкой. Ставший «сиротой» при живых родителях Миша вызывал повышенную жалость окружающих.

Родных Миши раскидали по разным уголкам страны. Его дяди были отправлены в ссылку: Александра Никитича запрятали в Усолье-Луку, Михаила Никитича в Ныребовскую волость, Ивана Никитича в Пельм (ныне Пермская область), а Василия Никитича – в Яренск (Архангельская область, недалеко от города Сыктывкара).

Бабушку Марию Акинфиевну постригли в монахини и отправили в Чебоксары в Никольский девичий монастырь.

Дальше всех отослали родителей Миши. Федор Никитич, «приводимый не единовременно к пыткам» был сослан в Антониево-Сийский монастырь, расположенный в 90 верстах от города Холмогоры (Архангельская область) и там пострижен в монахи под именем Филарета. Мать его, также постриженную насильно в монахини в июне 1601 года под именем Марфы, сослали на озеро Онега, сначала в погост Толвуй, а потом в село Челмуж, Повенецкого уезда (ныне Республика Карелия, недалеко от города Петрозаводска).

Условия, в которых, оказались опальные Романовы, были крайне тяжелыми. Не веря усердию местных начальников, к ссыльным прикрепили приставов, которые должны было доносить царю обо всех мелочах их жизни. Местным жителям запретили даже приближаться к домам или землянкам, где жили ссыльные, некоторые даже закованные в цепи. Июнкиня Марфа находилась под строгим надзором священника Ключарева и двух приставов. В Сийском монастыре Филарета охранял пристав Военков. В обитель даже не пускали богомольцев, чтобы никому из них не удалось передать письмо Филарету.

Особенно тяжело жилось несчастным первый год. Федор Никитич, став Филаретом, сначала тяжело переносил заточение в монастыре, очень переживал за жену и детей. Пристав Военков слышал, как причитал Филарет, тоскуя по жене и детям: «Милые мои детки! Маленькие бедные остались; кому их кормить и поить? Так ли им будет теперь,

как им при мне было? А жена моя бедная! Жива ли уже? Чай она туда завезена, куда и слух никакой не зайдет? Беда на меня жена да дети: как их вспомнишь, так точно рогатиной в сердце толкнет».

Мать Михаила в Заонежье жила в малом тереме, который стоял на возвышенном месте, из которого было видно только «царство камня, воды и леса». Пища была плохая. В предании Олонецкой губернии говорилось: «Царице Марфе Ивановне дан был столик, под столиком в чаше вода, а на столике овес ей есть». По некоторым данным, Марфа страдала «портежной» болезнью (порчей), от которой, по совету жителей Толвуя, лечилась целебной водой из ключа, который до сих пор зовется «Царицыным ключом». Видимо сказалось то, что, расставаясь с детьми, Ксения перенесла тяжелое нервное потрясение. Она даже упала в обморок и долго не могла прийти в себя. Это отразилось и в последствии: при сильном волнении у нее вновь возникали нервные припадки с обмороками.

В итоге в первый же год не выдержали тяжелые условия заточения три яди Михаила. Александр Никитич погиб в Белоозерске. Официально в его смерти обвинили пристава. Михаил Никитич умер в земляной тюрьме в Ныробе. Василия Никитича и Ивана Никитича, вопреки наказу царя, пристав заковал в железные цепи во время трудного перехода из Яранска в Пелым, так как очень боялся их побега. В итоге Василий не выдержал суровых условий содержания и скончался. Его смерть облегчила участь Ивана. С него сняли цепи, перевели в Уфу и улучшили условия содержания.

6-летний Миша ничего об этом не

знал. Белоозеро худо-бедно было городом. Двор ссыльных не был совсем уж уединенным. Царь Борис отдал наказ приставам, которые охраняли княгиню Черкасскую, Мишу и других на Белоозере: «Чтоб им всем в еде, питье и платье никакой нужды не было». Тем не менее, атмосфера тревоги и неизвестности, в которую попали взрослые, не могла не повлиять на мальчика. Чтобы скорее увидеть своих родителей, он должен был усиленно молиться. Может быть, именно в ссылке Миша стал очень религиозным, что буквально поражало в будущем современников в царе Михаиле. Этому способствовала и страшная трагедия, свидетелем которой стал маленький мальчик: умер единственный взрослый мужчина, князь Борис Камбулатович Черкасский. С Мишой остались одни женщины.

x x x

В 1602 году участь изгнанников была облегчена. Царь Борис приказал посвятить Филарета в иеромонахи и затем в архимандриты. Он писал приставу, охранявшему Филарета: «Ты б старцу Филарету платье давал из монастырской казны и покой всякий к нему держкал, чтоб ему нужды ни в чем не было; если он захочет стоять на клиросе, то позволь, только б с ним никто из тутовых и прихожих людей ни о чем не разговаривали». Марфе разрешили общаться с населением, которое относилось к изгнаннице весьма благожелательно. Нашлись среди местных крестьян смельчаки, которые с риском для собственного благополучия, узнали места изгнания инока Фи-

ларета и Михаила и стали передавать письма из Толвуя, а также из Белоозера.

В начале сентября того же 1602 года на Белоозеро пришла радостная весть. Из всех осужденных Романовых только княгине Черкасской было разрешено переехать со своими племянниками Таней и Мишой на жительство в вотчину Романовых, село Клин Юрьевецкого уезда (ныне Ивановская область). Чуть позднее к ним присоединились Иван Никитич Романов и князь Иван Борисович Черкасский.

Княгиня Черкасская отправилась в дорогу. В это время в стране творились страшные вещи: голод, пожары, моровая язва. Это сопровождалось грабежами и убийствами. Еще весной 1601 года начались затяжные дожди, длившиеся в течение 10 недель, потом наступило холодное лето, а 15 августа ударила мороз и повредил хлеб и другие посевы. Невызревшиими, фактически гнилыми семенами посеяли озимые. В итоге семена или вообще не проросли, или дали плохие всходы. Но и жалкие всходы погубил мороз в 1602 году. Все истекло и смелась с землей. В стране начался небывалый голод. «Люди сделались хуже зверей, — пишет Н.М. Карамзин, — оставляли семейства и жен, чтобы не делиться с ними куском последним. Не только грабили, убивали за ломоть хлеба, но и пожирали друг друга... Мясо человеческое продавалось в пирогах на рынках!. Везде шатались полумертвые, падали, издыхали на площадях» [23. С.66]. Зимой на дорогах умирали нищие от голода и холода. Дороги были усеяны трупами. В городах их еда успевали вывозить в поле, где закапывали в большие ямы. Только в Москве за время голода похоро-

нили в трех братских могилах 120 тысяч.

Дворяне стали распускать своих слуг, чтобы их не кормить. Несчастные гибли или разбойничали, вели жизнь бродяг. Это привело к крестьянскому восстанию под предводительством Хlopка. Хотя положение постепенно нормализовалось, голодные годы не прошли бесследно: современники считали, что во время голода вымерла «треть царства Московского», многие стали беднее, усилилось корыстолюбие, лихоимство, бесчувствие и к близким.

Вести о положении в стране доходили до княгини Черкасской. Она все чаще задумывалась об участии Михаила. Хотя они и направлялись в родовое имение, но над ними по-прежнему стоял царский пристав, хитрый и вороватый. Царь Борис давал ему наказ: «Чтобы дворовой никакой нужды не было: корму им давать вдоволь, покоить всем, чего ни спросят, а не так бы делал, как писал прежде, что яиц с молоком даешь не помногу; это ты делал своим воровством и хитростью; по напему указу велено тебе давать им еды и питья во всем вдоволь, чего ни захотят». Однако пристав знал или догадывался, что приказ царя был не искренним, и не торопился его исполнять. Поэтому жизнь даже в своем имении представлялась достаточно опасной, участь Миши была неизвестна.

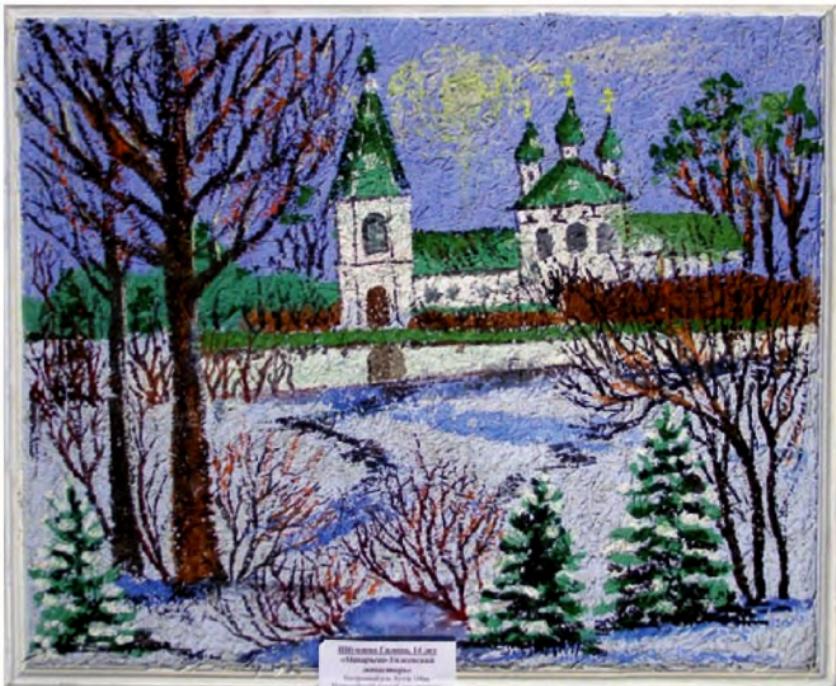
Дорога в Клин пролегала через Унженский монастырь, основанный в 1398 году преподобным Макарием, который скончался 25 июля 1444 года, был «кроме окружающих местностей, мало кому известный». Монастырь, затерявшийся в глухих костромских лесах, был очень бедным. Монахов в нем насчитывалось не более 20 человек, питались они плохо,

строить монастырь было не на что. Но слава о чудодейственных свойствах мощей Макария, хранившихся в монастыре, разнеслась по всей округе. Десятки людей, помолившись у них, исцелялись от тяжелых недугов. Измученная страхами и неизвестностью княгиня Марфа Никитична Черкасская захотела помолиться у гроба святого и попросить у него помощи.

Настоятелем монастыря был Давид Хвостов. При первом же свидании Давид взвесил всю важность сохранения в своих руках молодого Михаила от Годунова. В Макарьевской обители можно было укрыть не только 6-летнего мальчи-

ка, а и сотню каких угодно царских небодрожелателей. Вынужден быть не могло. Черкасская, убежденная доводами Хвостова, взяла с собой только свою племянницу, а Михаила оставила в монастыре.

В эти годы Михаил не мог скрываться в костромском Ипатьевском монастыре, так как он был основан Годуновыми, врагами Романовых. В 1586 году бояре Дмитрий Иванович, Иван Иванович и Борис Федорович Годуновы обнесли монастырь каменной стеной, украсили и обогатили его так щедро, что в то время монастырь называли «преименитою, великою лаврою». Обитель находилась

близко от большого города Костромы, что затрудняло факт сокрытия там Михаила. Другой монастырь, Железноборовский, затерялся в лесной глуши, недалеко от вотчины Романовых в селе Домнине, но в нем не было человека, сумевшего выполнить такую ответственную миссию.

Почему княгиня Черкасская доверила маленького Мишу Хвостову?

Скорее всего, княгиня была лично знакома с ним, ведь у Романовых и Хвостова поместья были в одном, Буйском уезде. Хвостовым принадлежали поместья и в соседнем Чухломском уезде. Предки Давида Хвостова в одно и то же время с предками Романовых пришли из Пруссии и нанялись на службу к московскому князю Даниилу Александровичу. При царе Федоре Ивановиче Хвостов был боярином.

Как Давид Хвостов попал в Макарьевский монастырь? В этом вопросе нет единого мнения. Член Костромской ученой архивной комиссии А. Скворцов в начале XX века писал, что Хвостов понял, что Годунов при Федоре Ивановиче забирает все больше власти, специально надел на себя рясу чернецца ишел в строители на Унжу, чтобы готовить возведение Романовых на трон. «Как умный и грамотный человек, как придворный, тонкий политик и дипломат, Хвостов предвидел, что распри бояр при Федоре разгорятся до больших размеров» [56. С.134]. Другие авторы утверждают, что, скорее всего, боярина Хвостова насильно постигли в монахи по велению всесильного шурина царя Федора Бориса Годунова и послали в далекий бедный Макарьевский монастырь.

Как бы то ни было, княгиня посчитала лучше оставить племянника в надежных

руках Хвостова. Чтобы усыпить бдительность приставов в Клину, им могли сказать, что Михаил умер на Белом озере или в дороге. Для Годунова же важно было только одно - Михаила не было в Москве.

6-летний Миша остался совсем один в монастыре. Там он прожил три года с 6 до 9 лет. Обычно в эти годы современные девочки и мальчики учатся в начальной школе. Их провожают и встречают родители, бабушки и дедушки. Они радуются их первым успехам, помогают готовить уроки, вкусно кормят. У детей появляются первые закадычные друзья, любимое место для веселых шумных игр, первые тайны. Взрослый человек всегда с нежностью и долей грусти вспоминает об этом интересном возрасте.

Миша, будущий государь всея Руси, в эти годы томился в бедном монастыре. Его атмосфера, отсутствие родных, особенно отца, матери и старшей сестренки, заставляли мальчика все чаще обращаться к Богу. Он молил его только об одном – поскорее увидеться с близкими. Мишу окружали только взрослые, человек 20 монахов, которые, как могли, заботились о нем, за это в будущем, став царем, Михаил был им очень благодарен. Это доказывает, что Миша не жил в Клину. Он, как очень благодарный человек по характеру, не смог бы обойти царской милостью Клин или хотя бы местный храм, в котором он должен был проводить много времени.

Где же Миша жил в монастыре?

При переписи имущества Макарьевской обители особо выделяли какую-то «комнату» при келье игумена Хвостова. Это могла быть приемная при игуменской кельи, так как к настоятелю, есте-

ственno, приходило много народа. Но что такого особенно в «приемной» игумена? Почему выделяется именно эта? Более того, только в Макарьевском монастыре сохранился особый образ Михаила — «келейный», говоривший о том, что именно здесь в какой-то келье и жил Михаил. Чтобы сохранить жизнь мальчику, Хвостов должен был оберегать его и не спускать с него глаз. Он понимал, что Михаил при определенных обстоятельствах может фигурировать как претендент на престол. Поэтому он поселил мальчика в комнате при своей келье.

Кто занимался воспитанием Михаила с 1602 по 1605 года? Кто утил будущего царя грамоте? Скорее всего, это был Давид Хвостов или кто-нибудь из монахов, так как в те времена грамотными были в основном представители духовенства. Это могли быть его тетки. Но женщины в XVI-XVII веках, даже княгини и царицы в подавляющем большинстве были неграмотны. Могла его утил и мать, которая была грамотной и хорошо знала церковную историю. Но она была далеко.

Через иноков или людей, принадлежащих монастырю и преданных Хвостову, Филарет и Марфа узнали, где находится их сын. Это успокоило их и дало веру в будущее.

x x x

Пока Миша жил в монастыре, отдаленном сотнями километров от столицы, в стране разгорались политические страсти. В Польше объявился «чудом спасшийся» сын Ивана Грозного Дмитрий, который якобы не погиб в Угличе в 1591 году. Кто был самозванец, никто толком не знал.

Слухи ходили разные. Одни утверждали, что это был беглый монах Григорий Отрепьев, в миру Юрий Богданович Отрепьев, сын мелкопоместного дворянина из Галичского уезда. В конце XVI века он нанялся на службу к Романовым, вотчины которых граничили с землями Отрепевых. Когда Романовы подверглись гонениям, Юрий постригся в монахи, бежал в Польшу, а теперь в 1605 году шел с войском на Москву, как законный сын Ивана Грозного. Другие говорили, что это был какой-то авантюрист-иностраник, который решил попытать счастья. Нашлись и такие, кто клялся, что это был настоящий сын грозного царя, который не погиб в Угличе.

Кто бы ни был Лжедмитрий I, весть о его появлении дошла до Филарета. Пристав, охранявший его, доносил царю Борису Годунову, что с начала 1605 года у Филарета резко изменилось настроение. Он стал жить не по монастырскому чину, много смеялся, рассуждал про мирское житье, говорил окружающим, что «увидят они, каков он вперед будет».

13 апреля 1605 года скоропостижно скончался царь Борис Годунов. На престол встал его сын Федор. Но династия Годуновых не устраивала верхушку бояр. В июне в Москве произошло восстание, в ходе которого царь Федор был убит. Все присягнули Лжедмитрию I (1605–1606).

Поскольку официально новый царь был «родственником» Романовых, он сразу же постарался вернуть им их прежнее положение в обществе. Все выжившие Романовы были возвращены в Москву и щедро пожалованы. Не забыли и тех, кто умер в ссылке. Тела их были перевезены в столицу и захоро-

нены с четью в родовых усыпальницах.

Инокиня Марфа, как только ей разрешили покинуть Челмуж, сразу же приехала в Макарьевскую обитель к сыну. Об этом говорит тот факт, что еще в начале 1880-х годах в монастыре хранились сани кошевые, подбитые широкими крепкими шинами. Ими не пользовались, а просто хранили в память о том, что на них приезжала Марфа за сыном. А когда она уезжала из Макарьевской обители, началась весенняя распутница, и сани были не нужны.

Встреча Михаила с матерью была очень трогательной. Марфа долго плакала от счастья, что наконец может видеть своего маленького сыночка. После возвращения Алжедмитрия I они вернулись в Москву в родовой терем на Варварке. Там их ждала не менее счастливая встреча: Марфа увиделась со своим любимым мужем Филаретом, а Миша смог обнять родного отца. 9-летний Михаил смутно помнил свою жизнь до ссылки, поэтому мальчик фактически заново узнавал своих родителей. Это было великолепное счастье для исстрадавшегося ребенка, который несколько лет был фактически сиротой при живых родителях. Однако теперь его жизнь в кругу семьи отличалась от жизни обычного боярского отрока, поскольку отец его был священником, а мать инокиня. У Миши не было веселых потех, игр со сверстниками, чем обычно занимались боярские дети его возраста. И, тем не менее, Миша был счастлив.

Казалось, жизнь начала налаживаться. Михаил поступил на государственную службу, получив свой первый придворный чин стольника. В таком юном возрасте стольники обычно находились

на службе вместе с отцами. Это был низший чин в иерархии чинов для детей русской знати. Но начало было положено. Сестра Татьяна вышла замуж за князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского. Отец был вновь приближен к царю, на этот раз к Алжедмитрию I.

Но суждено было Мише долго жить в родном доме. 30 июля 1605 года его отца Филарета возвели в сан митрополита Ростовского и Ярославского. Это был очень высокий пост, третий по значимости после патриарха и митрополита Новгородского. И все-таки для Филарета, имевшего огромное влияние в обществе, это, скорее, было почетной ссылкой, чем повышением в должности. Семья переехала в Ростов Великий (ныне Ярославская область). Правда, 8 мая 1606 года Филарет вместе с сыном Михаилом и братом боярином Иваном Никитичем присутствовали на коронации и свадьбе Алжедмитрия I.

Живя в Ростове, Романовы узнали, что в ночь на 17 мая 1606 года в Москве произошло восстание, в ходе которого погибло более 700 человек иностранных и русских, а также был зверски убит царь Алжедмитрий I. Выдающийся поэт XIX века К.Ф.Рылеев ярко описал этот эпизод в думе «Димитрий Самозванец».

Вдруг среди безмолвья грянула
Бой набата близ дворца.
И тиран с одра воспрянул
С смертной бледностью лицца...

Побежал и зрит у входа:
Изо всех кремлевских врат
Волны шумные народа,
Ко дворцу стремясь, кипят.
Вот приближились, напали;

Храбрый Шуйский впереди –
И сарматы побежали
С хладным ужасом в груди.

«Все погибло! нет спасенья,
Смерть прибежище одно!» -
Рек тиран... еще мгновенье –
И бросается в окно!
Пал на камни, и, при стуках
Сабель, копий и мечей,
Жизнь окончил в страшных муках
Нераскаянный злодей.

Изуродованное тело самозванца выволокли из Кремля и бросили на площади в грязь. Затем, привязав к лошади, вывезли в поле и закопали у обочины дороги. Когда же в народе пошла молва, что из могилы Лжедмитрия вырывается голубое пламя, новый царь приказал выкопать труп «колдуна» и сжечь его.

На импровизированном земском соборе новым царем был «выкрикнут» Василий Шуйский (1606–1610). Новому царю было за 50 лет. Он был маленько-го роста, некрасивый, с подслеповатыми глазами, очень скупой, умный, но веривший в чудеса и лесть. Миша снова переживал за судьбу родителей. Что с ними сделает новый царь, может опять соплет, и Миша вновь осиротеет? Тревоги оказались напрасными. Уже в мае Шуйский вызвал к себе митрополита Филарета и дал ему очень важное поручение. Филарет возглавил комиссию, которая должна была привезти моски маленького царевича Дмитрия из Углича, оказавшиеся чудотворными. Выполнив эту ответственную миссию, Филарет надеялся, что Шуйский сделает его патриархом. Но этого

не произошло. По-видимому, Шуйский боялся влияния Романова. Кроме того, в Москве произошли беспорядки, в которых был замешен один из родственников Романовых. Минительный Шуйский отправил Филарета в свою митрополию, а 3 июля 1606 года патриархом был избран казанский митрополит Гермоген, происходивший из донских казаков. В ноябре 1606 года Филарет вернулся в Ростов.

Однако новый царь Василий не смог завоевать авторитет у народа. Яркую характеристику ему мы находим в исторической хронике «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» великого русского драматурга, нашего земляка А.Н. Островского (его имение Щельково находилось на территории современного Островского района Костромской области). В конце хроники князь В.В. Голицын утверждает:

Крамольник он от головы до пяток!
Боярином ему б и оставаться,
Крамольнику не след короноваться.
Крамолой сел Борис, а Дмитрий смой:
Обоим трон московский был могилой.
Для Шуйского примеров не довольно;
Он хочет сесть на царство самовольно, -
Не царствовать ему!

И делает справедливый вывод:
На трон свободный
Садится лишь избраник всенародный.

В стране все сильнее разгоралась смута. Уже в 1606 году началась крестьянская война под предводительством И.И. Болотникова, который выдавал себя за полководца «чудом спавшегося» Лжедмитрия I. Войска повстанцев даже пытались взять

Москву, но не смогли и захватили Тулу. Только в 1608 году царские войска сумели их разгромить и казнить Болотникова. Но в это же время по стране поползли слухи, что царь Дмитрий не погиб в 1606 году, а чудом спасся и вновь идет на Москву возвращать себе трон. Это был Алжедмитрий II. Новый самозванец очень отличался от Алжедмитрия I: «Волосы имел кудрявые, черные, глаза большие, брови густые, на вислы, нос поклонный, бородавку среди щеки, ус и бороду стриженую» [74. С.305]. Он не смог захватить столицу и обосновался в селе Тушино (ныне район Москвы).

Началась жесточайшая борьба за власть и за территории между царем Василием и так называемым Тушинским вором (ворами в то время называли разбойников). У костромичей Василий Шуйский не пользовался популярностью. Они поддержали Алжедмитрия II. Но вскоре на территории северных городов, в том числе костромского края, появились польские отряды. Они занимались сбором налогов, при этом грабя и убивая жителей. Это вызвало недовольство. Во многих местах начались восстания против тушинцев.

Наступило 14 октября 1608 года, очередной страшный день в судьбе Миши. Ростов захватил один из отрядов Алжедмитрия II. Костромской писатель А.Ф. Румянцев пишет: «Набаты ревели над городом, и воздух дрожал от всплесков грозного гула, всплесков то нарастающих, то перекатывающихся, будто в предрассветной мгле за толстыми стенами служб низвергался невидимый водопад. Мельтешили глазочки ручных фонарей-свечников у амбаров-клетей, суматошились испуганными черными птицами

послушники в рясах» [51. С.82]. Когда начался штурм города, митрополит Филарет с немногими горожанами укрылся в храме. Завладев Ростовом, тушинцы ворвались в храм, схватили митрополита, сорвали с него одежду и в рубище, босого отправили пленником в Тушино.

Миша вновь «потерял» отца, главу рода, наставника, защитника. Горюя, Миша с матерью, по всей видимости, переехали в Москву. Потянулись дни полного неведения о судьбе отца. Но через некоторое время они узнали, что «тушинский царик» встретил Филарета с почетом и сделал его патриархом. Отныне Филарет стал врагом царя Василия Шуйского. Но в Москве Михаила с матерью не преследовали. Михаил ходил на службу во дворец. Как царский стольник он в числе других присутствовал во время царской трапезы и торжественных приемов.

В это время в стране разгоралась война: против Алжедмитрия II восстали «замосковные» и северные города, которые тушинцы подвергли сильному разорению. Очевидцы рассказывали, что там «жилища человеческие превратились в логовища зверей: медведи, волки, лисы и зайцы свободно гуляли по городским площадям, и птицы вили гнезда на трупах человеческих. Люди сменили зверей в их лесных убежищах, скрывались в пещерах, охота за зверями сменилась теперь охотой за людьми, следы которых отыскивали гончие собаки». В конце декабря 1608 года отряд польского полковника Александра Лисовского захватил Кострому. Многие костромичи погибли, городские храмы, Богоявленский и Крестовоздвиженский монастыри были разграблены. Оставив в

Костроме большой отряд с пушками, поляки двинулись на север и в январе 1609 года захватили Галич. Однако ополчение Солигалича, Чухломы, Вологды и других городов освободило Галич и подошли к Костроме. После страшного боя на улицах города, продолжавшегося с 28 февраля по 3 марта, враг был выбит из Костромы, но укрепился в Ипатьевском монастыре. Тогда воевода Давид Жеребцов осадил монастырь и захватил его.

Армией царя Василия командовал молодой и талантливый его племянник Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Одержав ряд блестящих побед, он в начале 1610 года с триумфом вошел в Москву и стал готовиться в поход под Смоленск, где хозяйничали поляки. Таким образом,

чаша весов царя Василия в борьбе за власть явно стала перевешивать. В тушинском лагере вспыхнул бунт. «Царик» Лжедмитрий II бежал в Калугу в навозных санях.

За 17 месяцев пребывания в Тушино отец Михаила Филарет сумел подобрать команду единомышленников. В Тушино перебежали от Василия Шуйского родственники Романовых – князья Сицкие и Черкасские. После бегства Лжедмитрия Филарет предложил начать переговоры с Сигизмундом III о призвании его 15-летнего сына Владислава на русский престол. 31 января 1610 года посольство приехало в лагерь поляков под Смоленском. Но в мае того же года посольство было перехвачено у Иосифо-Волоколамского монастыря русскими отрядами. Фи-

ларет был «освобожден» от «тушинского» пленения и привезен в Москву.

Вновь Миша мог обнять отца. Но тот был не радостным как прежде, часто подолгу отсутствовал. Мать целыми днями молилась. На душе у Миши было не спокойно. Чувствовалось приближение чего-то страшного. 13-летний мальчик, находясь во дворце, порой замечал, как кто-то из бояр подозрительно переглядывался, о чем-то разговаривал, понизив голос. По дороге домой Михаил иногда слышал, как москвичи говорили, что царь — «克莱вопреступник», «пьяница». Царь Василий Шуйский терял авторитет у простого народа.

И вот ночью 17 июля 1610 года Миша с матерью проснулись от шума: по улицам в свете факелов метались какие-то люди, громко кричали, порой раздавались стоны. Что это? Миша истово молился. Утром он узнал, что ночью был свергнут царь Василий Шуйского арестовали и постригли в монахи, а позднее увезли пленником в Польшу.

Москвичи присягнули Боярской думе как временному правительству. Мать успокоила Мишу. Особых причин для беспокойства она не видела, так как в правительство вошли их родственники: дядя Михаила — Иван Никитич Романов, а также Федор Иванович Шереметев и князь Борис Михайлович Лыков-Оболенский.

Но кто же будет царем?

Патриарх Гермоген называл двух преемников: князя Василия Васильевича Голицына и Мишу Романова. Но бояре по своему честолюбию, зависти и интригам в отношении друг к другу предпочли польского короля Владислава. Остальной же народ хотел видеть на престоле свое-

го, русского. Однако судьба распорядилась иначе. Армия гетмана Жолкевского, разгромившая под Клушино армию царя Василия, подошла к столице. Остановить ее после смерти Скопина-Шуйского было некому. Гетман обещал покончить с Алексеем II и обеспечить мир в стране при условии, если на московский трон будет возведен Владислав. Таким образом, сорвалась попытка сделать русским царем Михаила Романова.

17 августа 1610 года Филарет и Гермоген подписали договор с гетманом о призвании Владислава. Началась присяга новому царю. Михаил же по «малолетству» сумел избежать присяги. Ему было 14 лет, а только с 15 лет дворянин считался годным для государевой службы. Марфа с Михаилом жили надеждой, что в скором времени в России, наконец, выберут царя и наступит долгожданный мир.

Примерно через месяц 11 сентября по распоряжению патриарха и бояр отец Михаила митрополит Филарет и князь В.В. Голицын во главе огромного посольства, насчитывавшего 1246 человек, отправились в Польшу звать на престол 15-летнего Владислава. Тем самым, гетман удалил из столицы наиболее вероятных претендентов на престол. Жолкевский планировал отправить в составе посольства и Михаила, но тот не подходил по возрасту. Поэтому его с матерью поляки взяли под стражу и поместили под строгий надзор в Кремле.

15 октября под Смоленском начались переговоры. Но Сигизмунд не соглашался, чтобы Владислав принял православную веру. 21 ноября посольский лагерь был окружён караулами, фактически превра-

тив их жителей в узников. Более восьми месяцев поляки держали представителей посольства в бедных, грязных палатах под Смоленском, затягивая переговоры. Весной 1611 года Михаилу с матерью принесли ужасную весть — 12 апреля руководителей посольства отправили пленниками в Польшу. В начале 1612 года Филарета поместили в мрачную крепость бывшего Тевтонского ордена, замок Мальборк. Дальнейшая его судьба была неизвестна.

х х х

А в это время московские бояре согласились на ввод польского гарнизона в столицу, тем самым добровольно отдали власть иностранцам, предав национальные интересы. Изменническую психологию отдельных группировок бояр описал А.Н. Острожский в хронике «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». В ней П.Ф. Басманов учит нового царя Лжедмитрия I:

Бояр пронырство
Неведомо тебе, ты с нами не жил...

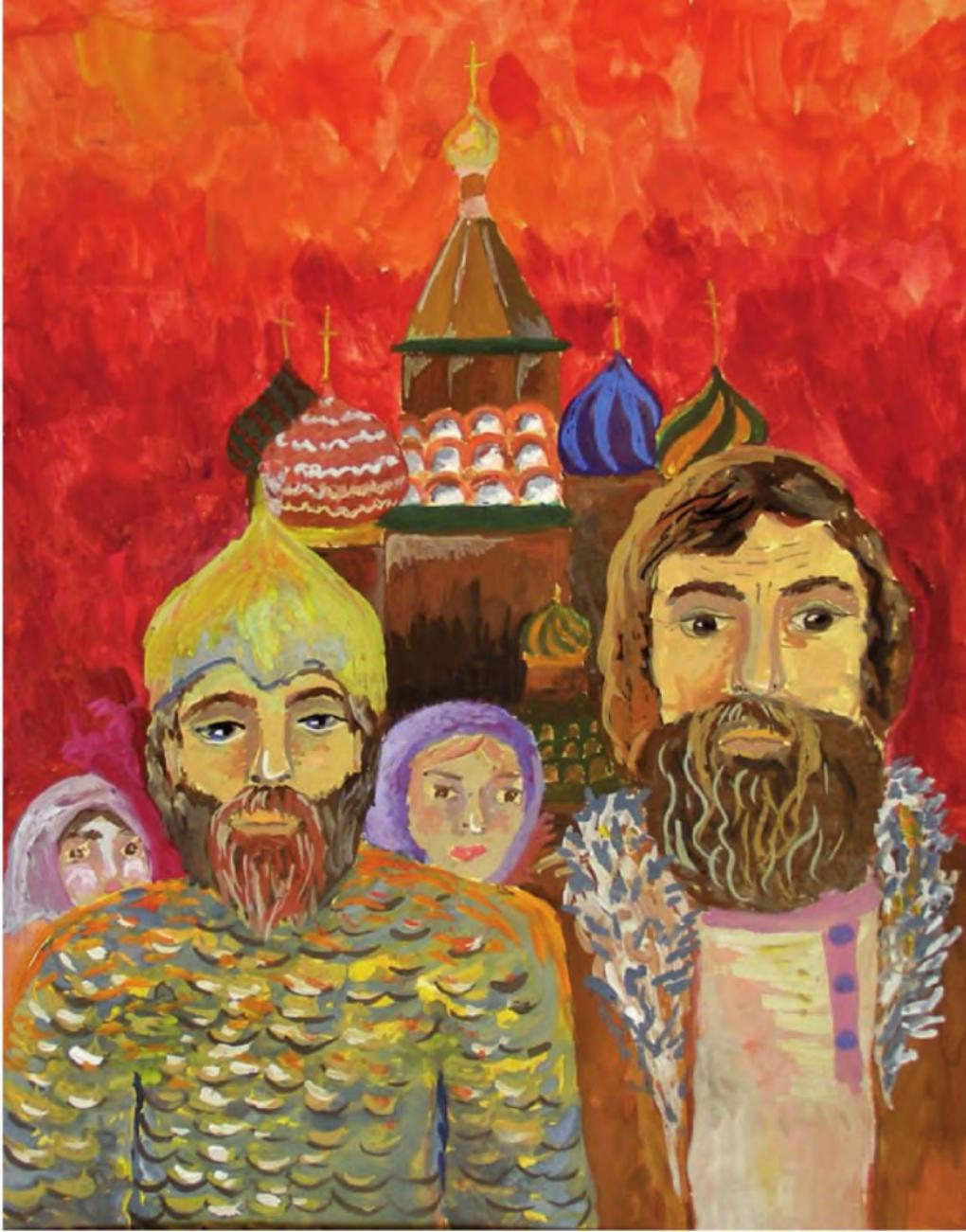
В самой преисподней,
На самом дне клокочущего ада
Не выковать сетей, какими
Они тебя и Русь опутать могут.
Великий царь, не зерь своим боярам,
Не верь речам, улыбкам и поклонам...

В ночь с 20 на 21 сентября 1610 года поляки вошли в Москву. Часть войска во главе с Жолковским разместилась в Кремле, остальные заняли Китай-город, Белый город и Новодевичий монастырь.

Поселившись в русской столице, поляки сразу же стали наводить свои порядки: у всех ворот поставили охрану, запретили москвичам носить оружие и даже выходить из домов с наступлением темноты и до рассвета. Случалось, что жители, отправляясь утром на рынок, натыкались на трупы иссеченных москвичей. В начале октября Жолковский по приказу короля Сигизмунда покинул Москву, прихватив с собой свергнутого царя Василия Шуйского. Вместо Жолковского в Москве стал хранить власть Александр Гонсевский.

19 марта 1611 года, во вторник Страстной недели по всему городу стали раздаваться крики и выстрелы: началось восстание против поляков. Ополченцы предприняли штурм Кремля. Русские, старые и малые, при звуках набата, вооружившись кольями и топорами, вели ожесточенные бои на улицах города. С крыш и из окон они бросали в поляков камнями. Из столов, лавок, дров делали баррикады и все больше оттесняли врага. Тогда поляки подожгли город. Огонь бушевал двое суток. Вся Москва покрылась пеплом, было трудно дышать. Повсюду возвышались только обуглившиеся стены домов, церквей и каменных погребов. Поляки занялись грабежом: отняли у русских продукты, серебряные и золотые вещи, золототканые и шелковые одежды, сдирали оклады с икон, пьянизовали.

В самом начале апреля 1611 года Москву осадило Первое ополчение, состоявшее преимущественно из дворян и казаков. Поляки отступили и покинули Белый и Земляной город. Их сил хватило, чтобы оборонять только Кремль и Китай-город. Лето прошло в томительном ожидании. В

это время новое горе обрушилось на 14-летнего Михаила: умерла его единственная сестра Татьяна, с которой он переносил все тяготы заточения на Белоозере. Еще в ссылке здоровье Тани было подорвано. Со временем у нее развилось малокровие, которое свело ее в могилу в 18 лет.

Длительная осада, голод и мор, разбой захватчиков продолжались. Ополченцы не собирались уходить от стен Москвы. Попытки короля Сигизмунда Ш прорваться к полякам в Москве не удались. В итоге поляки в Москве остались без продовольствия и боеприпасов. Однако и у населения продуктов оставалось все меньше. К началу сентября голод в Кремле приобрел катастрофические масштабы. Хлеб весь съели, а за лепешку с лебедой давали огромные деньги. Голодающие съели всех кошек и собак. Собирали крапиву, сдирали кору деревьев. Вскоре были замечены случаи людоедства. Все это угнетало Михаила и тяжело скрывалось на его здоровье и настроении.

Психологическое состояние Михаила и его матери, да и всех москвичей резко ухудшилось, когда они узнали, что 17 февраля 1612 года умер патриарх Гермоген. Он открыто называл поляков и короля врагами веры и страны, рассыпал грамоты по городам с призывом начать освободительную борьбу с интервентами. За это А.Гонсовский приказал бросить его в земляную тюрьму Чудова монастыря и корнильище необмолоченным московским водой. От нервного перенапряжения и тяжелого содержания в тюрьме 82-летний глава русской православной церкви скончался.

Таким образом, к началу 1612 года России грозила национальная катастро-

фа. На севере страны в районе Новгорода хозяйничали шведы, на юге — крымский хан. Все западные области, а также столица государства Москва была во власти поляков. В этой ситуации единственным спасителем страны стал простой народ. Во всю ширь разворачивалась национально-освободительная борьба русского народа против иноземных захватчиков. Главнейшей в этом противостоянии стала борьба православия против католицизма. В исторической хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» А.Н. Островский высказывает «мнение народное» в беседе двух нижегородских купцов, П. Аксенова и В. Лыткина. Старик Аксенов обращается к более молодому Лыткину:

...Сам ты знаешь,
Что вера гибнет, что ругатель-враг
Нас одолел, что православным тесно,
Что стон и плач сирот и горьких вдов,
Как дымный столб, на небеса восходит.
Вот, глупый человек, мы и толкуем,
Что легче смерть от острия меча,
Чем видеть, как ругаются святыней;
Вот и толкуем, как бы ополчиться
Да либо помереть уж, либо Русь
От иноземцев и воров очистить,
От всякой погани.

Инициатором народного ополчения стал нижегородский купец, земский староста Кузьма Захарьич Минин. В хронике Островского он восклицает:

О, господи! Благослови меня!
Я чувствую неведомые силы,
Готов один поднять всю Русь на плечи,
Готов орлом лететь на супостата,
Забрать под крылья угнетенных братий
И грудью в бой кровавый и последний.

Час близок! Смерть злодеям! Трепещите!
Из дальнего Кремля грозит вам Минин.

При этом А.Н. Островский правильно показал, что Мининым движут не личные его прихоти и желания:

...Не своя гордыня
Ведет меня. Гордыня — вражье дело;
А я слуга, я раб велений божьих.

Патриотический порыв Кузьмы Минина поддерживают представители разных сословий. Боярский сын А.М. Поспелов говорит ему:

Ты не один пойдешь, и мы пойдем.
Посадские, торговые помогут
Вам деньгами, а мы все головами...

Никто меня здесь в Нижнем не удержит!
Служилые, воинские мы люди,
Мы по приказу шли и умирали,
Велят — иди и голову клади;
Теперь без зова я иду, охотой!
Уж умирать, так за святое дело!

На велическое освободительное движение вдохновляют Минина и усопшие праведники земли Русской. По легенде во сне Кузьме явился преподобный Сергий Радонежский, что также было отражено в хронике. Минин рассказывает:

Сегодня поздней ночью,
Уж к утру близко, сном я позабылся,
Да и не помню хорошенъко, спал я
Или не спал. Вдруг вижу: образница
Вся облилася светом; в изголовья
Перед иконами явился муж

В одежде схимника, весь в херувимах,
Благославляющую поднял руку
И рек: «Кузьма! Иди спасать Москву!»..

Жгучая обида за оскверненные религиозные святыни, за разоренную отчизну заставляет Кузьму Минина вдохновленно выступить с лобного места перед нижегородцами:

Друзья и братья! Русь святая гибнет!
Друзья и братья! Православной вере,
В которой мы родились и крестились,
Конечная погибель предстоит...

И аще, братья, похотим помочь
Не пожалеем наших достояний!
Не пощадим казны и животов!
Мы продадим дворы свои и дома!
А будет мало: жен, детей заложим!

Призыв Минина нашел отклик у многих. Было сформировано ополчение, командовать которым пригласили 30-летнего прославленного князя Дмитрия Михайловича Пожарского. По богатству он существенно уступал Романовым, но принадлежал к одному из самых знатных русских родов. Выйдя из Нижнего Новгорода, ополчение медленно продвигалось по Волге. К нему присоединялись представители разных сел и городов, в том числе и костромичи. К осени 1612 года отряды Второго ополчения, наконец, подошли к Москве. Поляки, а вместе с ними и находившиеся в Кремле и Китай-городе бояре оказались в окружении. 22 октября ополченцы штурмом взяли Китай-город, а через четырех дня польский гарнизон сдался и в Кремле. Когда кремль освободили, то об-

наружили, по словам Авраамия Палицыны, «множество трупу человека разсечены от человекоядец онех в сосудах лежащих».

Михаил с матерью получили свободу. Они тут же уехали в Костромское свое поместье, село Домнино, где боярский двор, скорее всего, находился на месте нынешней Успенской церкви. Как и все подобные дворы в центре располагались хозяйские хоромы, а вокруг них — множество жилых и хозяйственных построек: людская изба, амбары, житницы, клети, сенник, конюшениный и скотный дворы. Совсем рядом красовалась Воскресенская шатровая деревянная церковь. Вблизи виднелся дом церковного притча да семь крестьянских дворов. Рядом проходила так называемая большая Вологодская до-

рога, соединявшая Кострому с находившимися севернее городами — Галичем, Чухломой, Солью Галицкой и Вологдой.

В имении Миша и инокиня Марфа отдохнули. Здесь было много еды. Начинающая зима обещала быть сырой и спокойной. В хорошем ведении хозяйства была большая заслуга старости вотчины Ивана Осиповича Сусанина. Казалось, что всем несчастьям пришел конец. Домнино было далеко от столицы, затерялось в глубокой провинции. Мать с сыном на велили соседей, в том числе двоюродных братьев Михаила бояр Салтыковых, которые жили рядом в селе Молвитино (ныне п. Сусанино). При встречах делились впечатлениями о пережитом. Но их не оставляли страхи за Филарета, кото-

рый все еще был в польском пленау. Они молились за него дома, в местном храме. Однако Михаил с матерью больше упова-ли на «помощь» святого Макария, кото-рый считался покровителем пленных. И вот однажды они, «отринув надежды на земных владык, для испрошения себе по-мощи у Небесного Царя, через молитвы преподобного Макария, Унженского чудо-творца, предприняли путь его обитель».

В монастыре мать с сыном много моли-лись у гроба святого Макария, просили дать Филарету свободу. Об этом повеству-ет житие преподобного Макария и мест-ное монастырское предание: скрываясь «от безбожных ляхов в пределах костром-ских», будущий царь молился «о роди-теле своем, чудном архиереи Филарете, яко да облобыжет святыя его седины».

У гроба Макария Михаил, скорее всего, дал обещание вернуться сюда, если вновь увидит своего отца. Михаил сдержал обе-щание. Сразу же по возвращении патри-арха Филарета летом 1619 года из плена, царь Михаил совершил паломничество в Макарьево-Унженский монастырь.

Вернувшись в Домнино, Миша и ино-кины Марфа стали ждать добрых вестей. Но вместо этого на них обрушилась новая беда. Изгнанные из Москвы интервен-ты небольшими отрядами рассеялись по стране. Летописи того времени отмечали: «Сами видите, что они ныне над нами чи-нят: всегда в очах наших всем нам смерть показают, и надругаются, и насилиуют нас, и дома у нас отнимают, яко волцы, зуба-ми своими скрежегут. И грозят нам, и претят смертию». Одному из польско-

литовский отрядов, продолжавшему бродить по стране в целях грабежа, было поручено тайно проникнуть в село Домнино, захватить Михаила и отправить в Польшу, а в случае сопротивления его убить. Это надо было сделать до созыва Земского собора, то есть осенью 1612 года или зимой 1613-го. Если Михаила не будет, то шансы польского королевича Владислава стать русским царем резко возрастут.

Жизнь Михаилу спас Иван Сусанин, который рассказал своему зятю Богдану Сабинину о великой опасности для Михаила и его матери, а сам завел поляков в лес. Чтобы Богдан успел предупредить Михаила, Сусанин долго водил врагом по лесам и болотам. Наконец, поляки поняли, что он их специально завел в не-

проходимые места, и им грозит смерть. Тогда они начали жестоко пытать Ивана Сусанина и, в конце концов, убили его. Это произошло в 10 верстах от Домнина близ села Исупова при болоте «Чистое» (так называли болота — мокровые, безлесные, обильные клюквой).

До сих пор нет единого мнения, как погиб Иван Сусанин: утонул вместе с поляками в болоте или был ими зверски убит в лесу, или погиб на глазах жителей Исупово. В начале XX века историк Н.Н. Виноградов записал предание, которое ему рассказали крестьяне села Коробова — потомки крестьян села Домнина, переселенных сюда в 1619 году. Иван Сусанин, спасая Михаила, укрыл его в яме сгоревшего овина, приказал ему оттуда не выле-

зать и голоса не подавать: «Докуда сам не приду, дотоле и голосу не моги подать!» Потом приказал своему зятю Сабинину срочно найти русских воинов, а сам повел поляков якобы искать Михаила. Долго он водил поляков по болоту. Наконец, они поняли, что Сусанин их обманывает, «изрубили его шашками на мелкие части». Русские воины, которых через некоторое время привел Богдан Собинин, подобрали тело Сусанина и принесли в деревню. Михаил, «услышавши шум, плач и крики, решился вылезти из ямы и, когда он узнал, за что и как умер Иван Сусанин то сам плакал, обмывал и складывал части его тела и велел похоронить останки Ивана Сусанина в церкви» [12. С.3].

Как бы ни было на самом деле, ясно

одно, что Иван Сусанин спас жизнь будущему царю Михаилу Романову. Об этом стало известно вследствие всей страны. Вдохновленный подвигом Сусанина К.Ф. Рылеев написал оду «Иван Сусанин», где, в частности, говорится:

«Куда ты ведешь нас?.. не видно ни зги! –
Сусанину с сердцем вскричали враги: –
Мы вязнем итонем в сугробинах снега;

Нам, знать, не добраться с тобой до ночлега.
Ты сбылся, брат, верно, нарочно с пути;
Но тем Михаила тебе не спасти!

Пусть мы заблудились, пусть выюга бушует,
Но смерти от ляхов ваш царь не минует!..

«Куда ты завел нас?» — ляг старый вскричал.
«Туда, куда нужно! — Сусанин сказал. —
Убейте! замучьте! — моя здесь могила!
Но знайте и рвитесь: я спас Михаила!
Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земли!
Вней каңдый отизизу с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит».

«Злодей! — закричали враги, закипев, —
Умрешь под месяцом!» — «Че страшевашнег?
Кто русский по сердцу, тот бодро и смело,
И радостно гибнет за правое дело!

Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»

В войнах XIX—XX веков нашелся не один десяток человек, которые повторили подвиг костромского патриота: ценой своей жизни уничтожили отряды неприятеля.

Предупрежденная Сабининым, ничего не зная о решении Сусанина, инокиня Марфа понимала, что оставаться в Домнино становилось крайне опасно. Надо бежать, но куда? Железноборовский монастырь был от Домнина в 15 верстах, но он был малолюдный и слабо укрепленный. Можно было скрыться в Макарьевском монастыре, который уже однажды помог Михаилу, но он отстоял от Домнина на 120 верст. Так далеко ехать без должной

охраны Марфа побоялась, поскольку не было гарантии, что им не попадется другой отряд разбойников. Решили уехать в Кострому. Но где скрываться в Костроме? Скорее всего, Михаил Романов жил с матерью на территории Костромского кремля. Его вид в начале XVII века подробно описываетprotoиерей Дмитрий Лебедев.

Костромской кремль или «старый город» представлял собой благоустроенную крепость, вооруженную и довольно населенную. Она состояла из земляной дугобразной насыпи, местами доходившей в высоту до 5 сажень (сажень – 2,1 м), а в окружности тянулась на 511,4 сажени. С трех сторон она была окружена глубоким рвом с перекидными против выходов в «новый город» и в посады мостами. На насыпи в различных местах стояло 14 деревянных башен. В некоторых из них были устроены ворота. К Волге вел тайный подземный ход, откуда в случае осады можно было брать воду. В кремле было три улицы: Большая тянулась от Спасских к водяным воротам. На эту улицу выходил переулок. Недалеко от Успенского собора к северному валу находился деревянный воеводский двор 23 сажени в длину

и 17 в ширину (49 на 36 м). В кремле находились казенные здания: съезжая изба с сенями, где сидели воеводы и приказные люди (воеводская канцелярия), губная изба (судебное учреждение для разбирательства уголовных дел), караульная изба, тюрьма, четыре житницы государевые, кузница казенная, осадный колодец. В кремле же находились семь осадных дворов, принадлежавших монастырям. Здесь располагался военный гарнизон и до 190 частных домов, многие из которых принадлежали знатнейшим фамилиям: князьям Барятинскому, Волконскому, Вяземскому, Гагарину, Збарецкому, Козловскому, Куракину, княгине старице инокине Ирине Ивановне Мстиславской, княгине Троекуровой, боярам Салтыковым и Шереметевым, столыникам Годунову и Карпову, дьякам Головину,

Данилову и Лихачеву [28. С.200–202].

Рядом с Успенским собором кремля на месте северо-западного угла соборной ограды, «в старом городе переулок на Большую улицу к водяным воротам» находился собственный двор инокини Марфы размером 6,75 саженей в длину и 6 в ширину (14,5 на 12,8 м) [42. С.21]. Здесь и нашли себе очередное пристанище Михаил и Марфа.

x x x

Наступил 1613 год. Чтобы восстановить страну, разоренную и обессиленную продолжительной смутой, опять требовалось избрать царя. Но теперь эта задача была значительно ответственней, чем раньше. Все отлично понимали, что если и сейчас будет неудачный выбор, в

стране с новой силой вспыхнет смута, в результате которой у народа не хватит уже сил спасти Родину. Народ считал, что выбор будет прочным при одном условии, если новый царь будет как-нибудь связан с прежним царским домом.

Из Москвы до Марфы доходили слухи, что столица полностью очищена от врагов. Собрался небывалый по численности Земский собор, чтобы выбрать нового царя. Говорили всякое: многие выборщики категорически выступали против кандидатур иностранных принцев: польского Владислава и швейцарского Карла-Филиппа. Почти не было сторонников у Воренка, сына полячек Марины Мнишек и Александрии II. Значительно большие шансов было у князя А.Т. Трубецкого, объявленного правителем. Почти все участники Второго ополчения выступали за князя А.М. Пожарского. Марфа особо не вслушивалась в эти известия. Все ее силы были направлены на сохранение здоровья и жизни единственного своего сына, 16-летнего Михаила.

В Москве же в результате долгих споров 7 февраля 1613 года Земский собор оставил свой выбор именно на Михаила Романове. Но окончательное решение было отложено на две недели. За это время были отправлены гонцы к тем выборным от городов, знатным боярам, кто не смог быть на соборе. Они узнавали также мнение народа относительного нового избранника. Вернувшиеся посланники с мест сообщили, что народ и все северные города желают видеть Михаила царем.

21 февраля, в день первого воскресенья Великого поста, в который празднуется торжество православия, произошло окон-

чательное избрание царя. В Успенском соборе Московского Кремля состоялось последнее торжественное заседание. Затем несколько видных бояр вышли на лобное место на Красной площади и обратились к народу: «Кого вы хотите в царя?» Народ в один голос ответил: «Михаила!»

Почему же избрали Мишу?

Определяющим в устойчивости династии было родство. Начиная с Василия II вплоть до сыновей и внучки Ивана IV Грозного все представители московской княжеской династии были потомками Кошкиных-Романовых-поженской линии.

В царе Михаиле многие видели племянника царя Федора. Думали, что он будет как и его дядя кротким, добрым царем, при котором не повторятся испытания, пережитые боярством в царствование Грозного и Годунова.

Были учтены и заслуги бояр Романовых перед отечеством. Кроме того, была нравственная связь нового царя Михаила с народом, который любил деда Михаила Никиту Романовича и его отца Федора. Измученный угнетением и смутой народ представлял Романовых в привлекательном виде, как олицетворение своих страданий, так как знал о гонениях бояр Романовых при Годунове, сочувствовал страданиям Филарета в польском плену.

21 февраля 1613 года начался Великий пост, когда «цари и бояре, по благочестивому древнему обычью, нередко помещались в монастырях для душепасения, для сохранения или поддержания доброго христианского покаянного настроения». Скорее всего, Михаил с матерью переехали в Ипатьевский монастырь, так как он после смерти Годунова входил в подчинение

Филарету как митрополиту Ростовскому и Ярославскому. Следовательно, Михаил и Марфа могли без боязни ехать именно в этот монастырь, как теперь принадлежащий им. Таким образом, как предполагает историк И.В. Баженов, они оказались в монастыре не для того, чтобы скрываться от врагов, а в силу обычая [2. С.15].

В монастыре Марфе и Михаилу отвели кельи, которые когда-то были «келарские» или наместничими. Миша поселился в трех комнатах с левой стороны от входа из сеней, а его мать – в четырех справа. Комнаты Михаила выходили на небольшую галерею, где он моггулять. Но в целом покой были маленькими с низкими зарешеченными окнами. На нижнем этаже располагались помещения для прислуги и хозяйства. Отныне мать с сыном практически цельные дни проводили в молитвах и ничего не знали о событиях в столице.

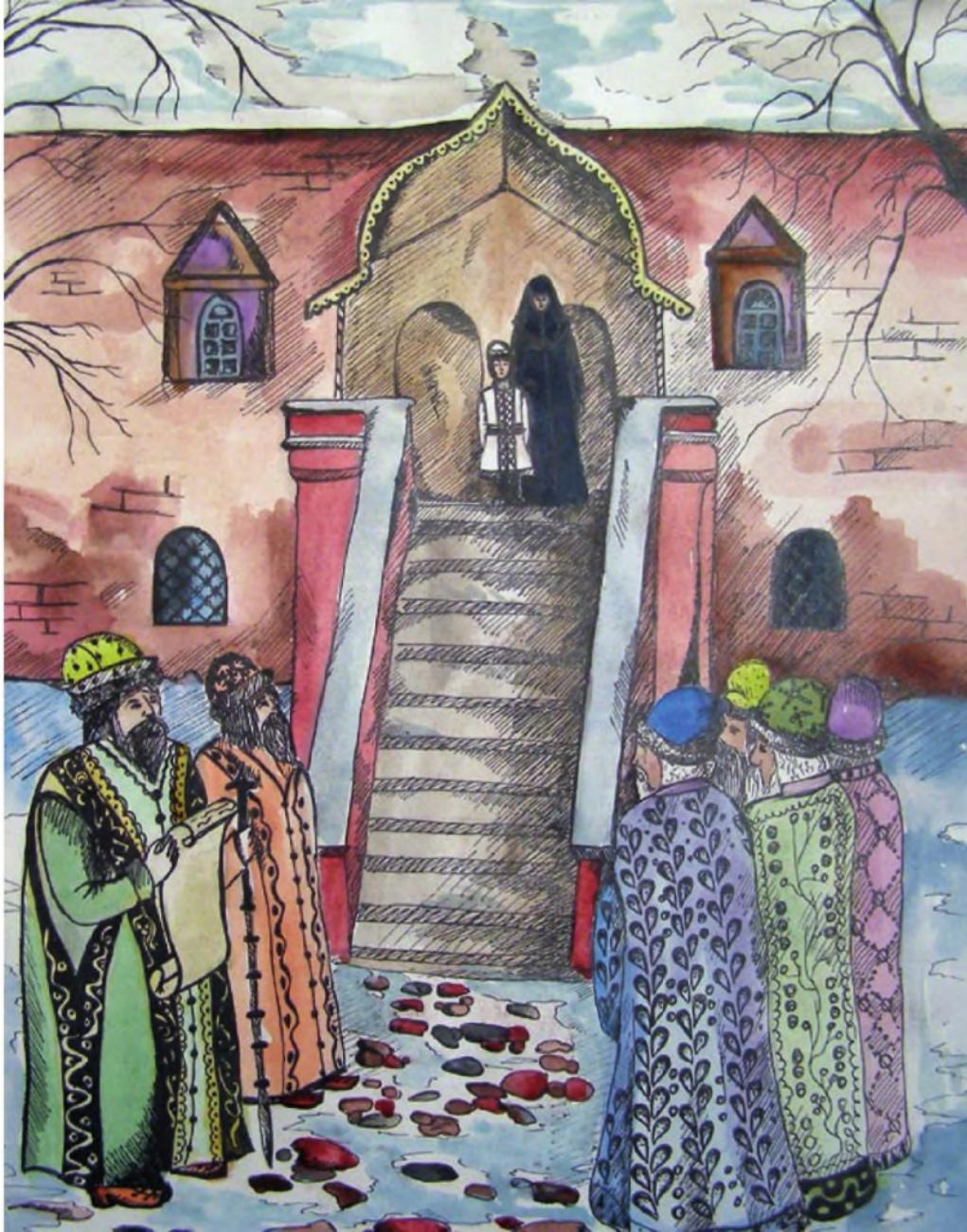
2 марта 1613 года посольство Земского собора торжественно выехало из Москвы. Его возглавили рязанский архиепископ Феодорит, келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын и Ф.И. Шерemetев. Посольство провожали тысячи москвичей. Слух о его предназначении разлетался по округе. Многие местные жители с готовностью присоединились к нему, чтобы своими глазами увидеть небывалые торжества. Вечером 13 марта посольство прибыло в село Селицы, расположенному на правом берегу реки Волги. Напротив открывалась панорама Костромы. Город в то время был окружен высокими земляными валами с деревянными стенами кремля. Насколько мог видеть глаз – везде купола, купола... На почти пять тысяч жителей в городе

было два собора: холодный Успенский и теплый Троицкий – оба в кремле, пять монастырей: Рижположенный Анастасиин женский и мужские – Крестовоздвиженский в кремле, Богоявленский, Вознесенский и Спасо-Подвязный, 36 приходских церквей, 1683 жилых дворов, 75 пустых мест, 489 лавок и амбаров.

Вот как описывает костромской писатель А.Ф.Румянцев вид города: «Перед глазами развернулось пестрое нагромождение деревянных церквей и церквенок, заслонивших полнеба. Там и Успенский собор, величавый, с приделами Федора Стратилата и Богородицким, и Собор Живоначальной Троицы с тремя прилепившимися церквушками, и приход Введения за оградой крохотного Крестовоздвиженского монастыря у самой стены кремля. Рябило в глазах от глав-луковок, ярких крестов, обилия звонниц. Иные строения соединялись впритык, к иным перекинуты высокие, будто повисшие в воздухе, сени на крашеных столбах-опорах. И – навесы тут и там, переходцы, разные венцы, шатры, прирубы...

Хоромы – одни внушительнее других, иные расписаны, как печатный медовых прянник; все-то кругом нарядно, все-то пестро. О-о, это вам совсем не то, что жалкие улочки слободок», – восклицает писатель. «Вон кучка строений Полянской слободы. За нею, как стайка цыплят, худосочная слободка Пицальная. Вон к ельникам, за черту посада, ушла соломенная Гашеевка. А за Сулой-рекой, напротив древнего Ипатия, живут мастера-кирпичники. Есть в городе мыловары, есть красильное дело, рыбный монастырский промысел. Кузнецы есть, оружейники... Полторы тысячи

домов и домишек, чаще всего подслеповатых, сляпанных кое-как, сторожат с высоких башен дозорных [51. С.89,26].

В Ипатьевском монастыре было тихо. Марфа и Михаил молились перед сном. Неожиданно к ним подошел архимандрит Кирилл, настоятель монастыря и сообщил, что в Селицах остановилось Великое посольство из Москвы, которое просит его принять. Марфа согласилась встретиться с ним на следующий день. Всю ночь она не спала, молилась. Перед глазами пронеслись страшные испытания, выпавшие на долю ее единственного сына: изгнание, голод, холод. Сколько раз он мог погибнуть от рук недоброжелателей и русских и иностранных. Но пока все обошлось. А что ждет его на царском троне? Сколько раз она была свидетельницей страшных трагедий, когда погибали в страшных мучениях уже венчанные цари: 16-летний Федор, сын Бориса Годунова, процарствовавший только три месяца; Алексей I, продержавшийся на троне лишь год; Шуйский, постриженный в монахи и увезенный в далекую Польшу. Вспомнился и 9-летний Дмитрий, сын Ивана Грозного, погибший в Угличе. Тяжелые мысли не давали Марфе уснуть. Изразцовая печь была жарко натоплена, но она не согревала инокиню. Нервный озноб пронизывал ее. Она всматривалась в низкое оконце. Скоро рассвет... Надо принимать решение. Наконец, она твердо сказала себе: «Посольству Москвы отказать».

Наступило утро 14 марта — воскресенье четвертой недели Великого поста. Костромичи поднялись как никогда рано. По случаю праздника из сундуков доставались самые лучшие наряды. Кажд-

ый старался перешеголять остальных. Надевали по три, а то и по четыре кафтаны сразу самых ярких цветов, расшитых золотом, поскольку количество одежды свидетельствовало о богатстве и знатности владельца. Все сходились к Успенскому собору кремля. Начинался крестный ход горожан к Ипатьевскому монастырю. Впереди несли чудотворную икону Федоровской Божией Матери.

Со стороны Селиц в том же направлении по ослепительно белому льду реки Волги началось многолюдное шествие московского посольства. Впереди несли привезенные из Москвы читимые иконы московских чудотворцев Петра, Алексея и Ионы, с заступничеством которых связывалось избавление столицы от иностранного владычества.

Обе процесии встретились у Святых ворот монастыря на льду реки Костромы. Это было необыкновенно красочное зрелище. Под ярким весенним солнцем тысячами оттенков переливались парчовые, бархатные, шелковые шубы гостей и богатых горожан, соболиные, лисьи, беличьи шапки. Слепил глаза блеск от драгоценных камней, которыми были украшены одежды и оклады икон. В толпе виднелись и простые овечьи туалеты рядовых горожан и крестьян.

Святые ворота отворились. Все затаили дыхание. Из ворот вышли одетые в строгие черные облачения монахи обители во главе с архимандритом. Впереди шла женщина, также в строгой монашеской одежде. Она вела за руку мальчика-подростка, одетого очень скромно. Это были инокиня Марфа и Михаил. Сотни любопытных глаз устремились на маль-

Колинский Алексей

чика, а он испуганно смотрел на этих людей, судорожно скимая руку матери.

Архимандрит Кирилл и Марфа приветствовали посольство. Михаил преклонил колена перед чудотворными образами. Затем все последовали в Троицкий собор, где архиепископ Феодорит зачитал грамоту об избрании Михаила на царство.

По обычаям того времени нельзя было давать согласие сразу же, даже если вопрос был заранее решен. Но никто из состава посольства не ожидал, что Марфу с сыном придется уговаривать так долго. Уговоры длились «с третьего часу дня и до девятого часа неумолчно и неотходно». Решение, которое надо было принять, было не подвластно обыкновенному человеку. Марфа, к тому же, была женщина, мона-

хиня, то есть абсолютно бесправная по законам того времени. Любые решения обычно принимал старший в роду мужчина. Таковым был ее муж Филарет. Но он томился в плену, и никто не знал его мнения по этому вопросу. Кроме того, Марфа боялась за мужа, положение которого в польском плену могло ухудшиться в связи с избранием Михаила. Боялась за сына: сколько раз он был на краю гибели. Какая тяжелая судьба была у первых двух выборных царей Годунова и Шуйского! Марфа не хотела подобной участи для сына.

В результате шесть часов Марфа и Михаил «во весь день на всех молениях и прошениях отказывали... с великим гневом и со слезами». На исходе шестого часа, находясь в полном отчаянии, члены посольства

использовали последнее средство. Архиепископ Феодорит в глубочайшей горести взял образ Владимирской Богоматери, а Палицын икону великих чудотворцев Петра, Алексея и Ионы, и, приближаясь к Марфе и Михаилу, вешали: «Повинуйтесь воле Божьей и Пречистой Его Матери! Сии святые иконы притекти поведать вам определение наше; не народом, а ими вы избраны на великое дело, ими умудрились в предстоявших трудах и подвигах! Преклонитесь же пред ними и повинуйтесь!» Марфа не могла более противиться. Она вручила себя Провидению, надеялись на Божий промысел. В слезах, упав перед иконами, произнесла свое согласие: «Кто против Бога, единородный возлюбленный мой? Свет очей моих, повинуйся воле Его!» Однако Михаил умолял ее не согла-

шаться: 16-летний мальчик был свидетелем, как венчанных царей сгоняли с трона, постригали в монахи, пытали, убивали. Теперь мать была непреклонна. «Это – дело Божие, не человеческого разума! Не смею противиться», – говорила она сыну.

Миша плакал, все молчали... Наконец, он смирился. Миша упал пред образом Богоматери. «Боже, – произнес 16-летний паренек, – твоя есть воля, я раб Твой, спаси и соблюди меня!» Встав, обратился к послам, боярам и народу: «Аще на то воля Божия, да буди тако!» Марфа, взяв державного сына своего и подводя к образу Богоматери, вешала: «Буди святая воля Твоя, Владычица! В Твои пречистые руки предаю чадо свое: настави его на путь истинный, на благо себе и всему христианству». Феодорит благословил

«Максим Федорович с
мамой Марфой»
Пастелью на холсте, 10 лет
ДРОЦ «Алма»
Педагог Терещенко Н.В.

избранного царя. Послы возвели Михаила на велиокняжеское место. Приняв от них царский жезл, Михаил слушал торжественный молебен. Тогда провозгласили многолетие царю Михаилу. Под радостный крик народа и звон колоколов прошел он в царском облачении из церкви в кельи, где жила. Никто не знал, какие мысли и чувства нахлынули на него, когда он остался один. А по городу три дня продолжался колокольный звон.

19 марта настал торжественный момент: 16-летний царь Михаил покидал Кострому. Крестный ход костромичей проводил его за стены монастыря. Отправляясь на царство, Михаил взял копию Федоровской иконы, чтобы потом поставить ее в придворной Рождественско-Богородицкой церкви Московского кремля. У Западных ворот Ипатьевского монастыря его ждала повозка. На этом месте в 1642–43 годах при возведении новой монастырской стены была построена особая «зеленая» башня, так как была покрыта в отличие от прочих дорогой зеленой черепицей.

Через 42 дня 2 мая Михаил под колокольный звон въехал в столицу.

В воскресенье 11 июля 1613 года состоялось венчание на царство на память

святой мученицы Евфимии. Венчание совершил митрополит казанский и свияжский Ефрем. Почему именно он? По некоторым данным это был Давид Хвостов, который в 1607 году, отдав место игумена Макарьевского монастыря Иоасафу, стал митрополитом Казанским под именем Ефрем вместо Гермогена, выбранного патриархом. На эту мысль наводит и то, что в Казани о Ефреме известно многое как о митрополите, но почему-то никто не знал его прошлого. Говорили только, что он играл крупную роль в избрании первого царя из Дома Романовых. Он первым подписал грамоту об избрании на царство Михаила. И вот теперь Ефрем торжественно возложил на Михаила венец и бармы Мономаха. Скорее всего, он стал бы и патриархом, но умер 26 декабря 1613 года.

На венчании от Костромы присутствовали также архимандрит Ипатьевского монастыря Кирилл и игумен Богоявленского монастыря Арсений.

x x x

Началось правление новой династии – Романовых, которой суждено было занимать престол в течение 300 лет. Но пока в июле 1613 года на плечи Михаила, первого царя Дома Романовых, 16-летнего подростка, легли заботы о ликвидации последствий страшных бедствий начала XVII века.

Опять он был один. Отец находился в плену. Будущее Филарета было неизвестно. Мать, инокиня Марфа, по прибытии в Москву удалилась в Вознесенский девичий монастырь, находившийся на территории Московского кремля, в котором с 1619 года и до кончины состояла игуменией. Марфа отличалась добрым харак-

тером. Помня о живших в монастырях вдовах предыдущих царей Ивана Грозного, Василия Шуйского, царевича Ивана Ивановича, неоднократно посыпала им подарки. Часто ездила на богоявление. В вопросах религии была строга, но не чуждалась и радостей жизни: в своем монастыре организовала золотошвейную мастерскую, из которой выходили красивые ткани и одежды для царского двора.

Царь был еще очень молод. Фактически все детство его прошло в нужде, скиниях, постоянных страхах. Наверное, это сыграло свою роль в том, что уже в декабре 1613 года вновь, как в далеком детстве, появились во дворце попугай в железной клетке – подарок англичанина, а в 1620 году – еще два индийских попугая. В то время среди знати было распро-

странено собирание разных интересных, «диковинных» вещей. Но царь особенно питал к ним слабость. В 1614 году царь купил «брюсок скляной», во что смотрятца; трубочка, что дальнее, а в нее смотря, видится близко; очки хрустальные с одной стороны гранены, а с другою гладки, что,

в них смотря, много кажется; склыше́ка деревянная кругла, в ней под стеклом мужик с женкою; ящик, в нем под стеклом три жены с младенцем». Позднее приобретались и другие вещи, например: «сосуд — птичка хрустальная, под нею под крылы у поддона золочено, крыльшко вымаётся; птица Гамаон, околоши сверху обнисано жемчугом, на середине жемчужина большая, позади ее на спине репей серебряный, на репье зерно жемчужное; стекло зажигательное, большое; три трубки призорные» и др. Кроме того, царь Михаил Федорович очень любил часы. У него была большая коллекция, но особенно были ценными карманные или запные часы.

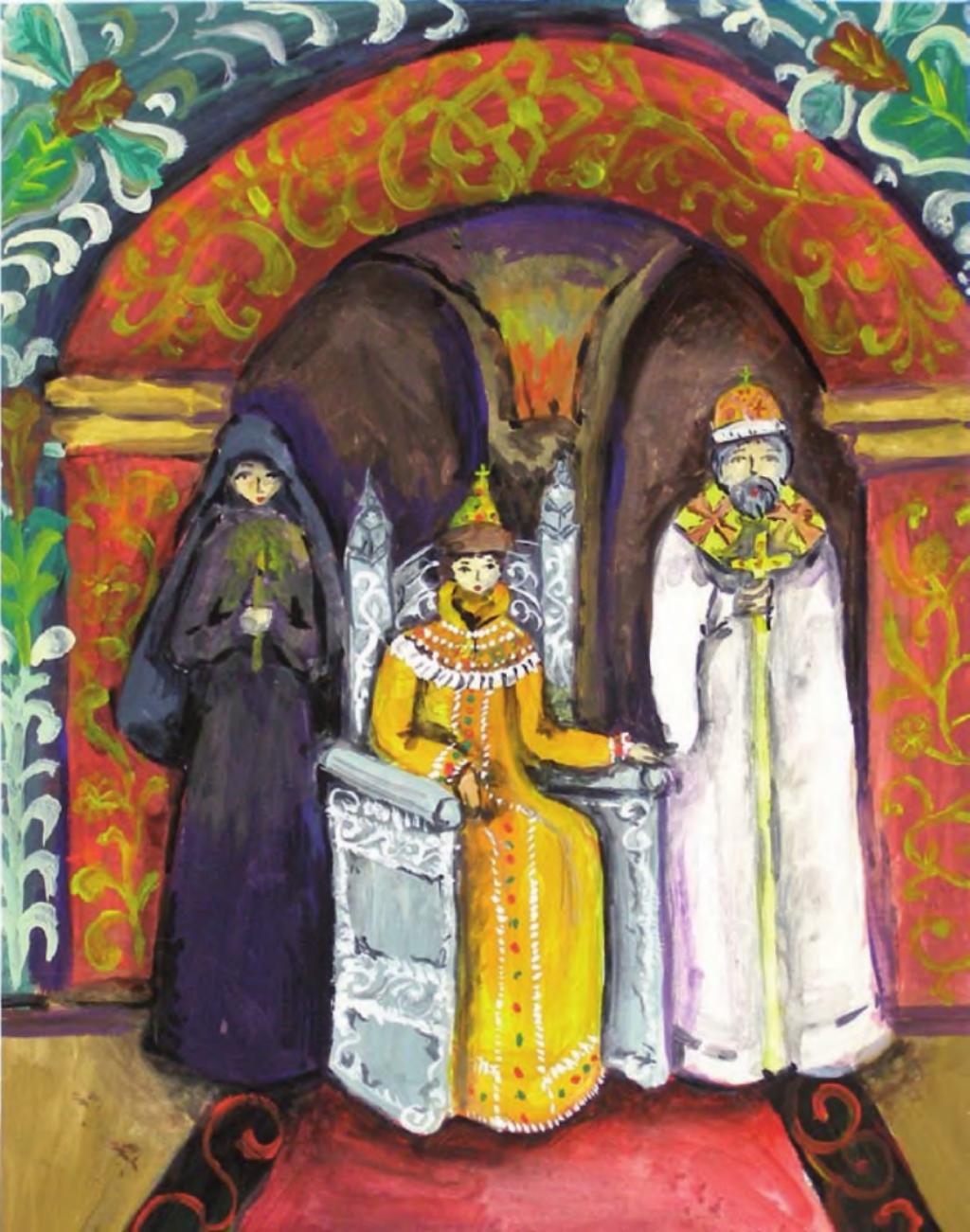
x x x

С чего же начать правление?

В наследство Михаилу Федоровичу досталось разгромленное и опустошенное государство. Даже жить новому царю было некуда: все палаты и хоромы царские были без кровель, без полов и лавок, без окон и дверей.

В сказании об избрании Михаила говорится, что он «был царь молод, когда сел на царство, но был добр, тих, кроток, смирен и благоветлив, всех любил, всех миловал и щедрил, во всем был подобен благоверному царю и дяде своему Федору Ивановичу». Царь оставил всех на своих местах, не прибегая к опалам и ссылкам. Ему удалось закончить войны со Швецией и Польшей, подавить очаги внутренней смуты.

Однако спокойно заниматься государственными делами царю мешали

беспокойные мысли о судьбе отца. Михаил неоднократно предпринимал попытки вызволить Филарета из плена. В начале 1615 года посланнику Ф.Г. Желябужскому удалось даже увидеться с пленником и передать ему грамоты от сына-царя, других родственников, светских и духовных лиц. Михаил сообщал «изрядносиятельному святителю» о своем немалом «прилежании» по вызволению отца из плена, чтобы вскоре услышать его «благонаученных устен учения, и наказание, и благословение».

Михаил держал вакантным место патриарха. И вот настал долгожданный день. 1 декабря 1618 года в д.Деулино под Троице-Сергиевым монастырем между Россией и Речью Посполитой на 14,5 лет было заключено перемирие. Это решило судьбу Филарета. 1 июня 1619 года его отпустили домой. Въехав на территорию России, в сопровождении огромного стечения народа он приближался к столице. Между праздничным поездом Филарета и царским дворцом сновали гонцы, сообщая о всех мелочах. Как ни рвался сын на встречу отцу, но не мог нарушить этикет и ждал его дома. И вот за пять верст от столицы 14 июня Филарета встречали все жители столицы, а главное - сам царь. Михаил кланялся отцу в ноги, отец кланялся сыну-государю, «многие бо слезы быша тогда от радости у государя царя и у всего народу». В память этого события был заложен храм Елисея между Никитской и Тверской улицами, установлено ежегодное празднество «большое», объявлена амнистия всем опальным, пребывавшим в тюрьмах и ссылке.

В конце июня Филарета торже-

ственно провозгласили патриархом. Он стал править вместе с сыном.

Закончились первые радости. Жизнь входила в обычное русло. Настало время выполнять обещание: отблагодарить святого Макария Унженского за благополучное возвращение отца. Началась подготовка к паломничеству в обитель преподобного. Источники XVIII века подтверждают, что путешествие было по его «царскому обещанию» за некоторые его «чудеса и помощь», оказанные ему, Великому государю и его родителям «во время их государских печалей». Сам патриарх Филарет побуждал царя исполнить обещание: «Молю и благословляю Ваше Царское Благородие, чтобы Вы, Великий Государь, свое обещание совершил, к преподобному отцу

Макарию шел без всякого сомнения».

Посещению монастыря предшествовало официальное расследование о чудесах преподобного Макария. Патриарх Филарет писал Михаилу 3 сентября 1619 года, когда паломничество уже началось: «По твоему царскому повелению и по совету, а по нашему благословению» обнаружили, что всего исцелил Макарий 74 человека, правда, многие рассказывали сами, а не свидетели.

Зачем понадобилось это расследование? Монастырь по чудесам Макария был известен лишь северо-востоку Руси: Костромской, Нижегородской и частично Казанской губернии. Скорее всего, за слуги Макарьево-Унженского монастыря

были какие-то особенные, исключительные и так велики в глазах царя Михаила Федоровича, его матери и патриарха Филарета, что они поставили себе в обязанность прославить преподобного Макария на всю Россию и причислить его к сонму великих русских чудотворцев.

Невольно возникает вопрос: разве не было других величайших чудотворцев, как преподобный Сергий Радонежский, Савва Звенигородский, Пафнутий Боровский, Савваний и Герман и др., которых бы можно было почтить молодому царю? Но ни одному из них, кроме преподобного Маакия, царь Михаил не принес таких благодарных молитв.

Почему, захотев совершил паломни-

чество по монастырям после прихода Филарета из плена, Михаил пошел в Макарьев? Почему именно сам Михаил а не патриарх назвал преподобного Макария великим чудотворцем? Историк В.В. Беляев уверен, что «Макарьевской обители молодой царь был обязан всем: жизнью, здоровьем и возведением на царство». Во всяком случае, царь Михаил открыто признавал над собой покровительство и промысел преподобного Макария, молитвами которого не только получил царство, но и возврат из плена польского своего отца. Инокиня Марфа и молодой царь Михаил до смерти были привержены монастырю более всех других обителей и относились к нему и преподобному Макарию гораздо пламеннее, чем даже сам патриарх Филарет. Более того, Миха-

ил совершил своеобразный подвиг — шел 20 верст пешком до монастыря. Царь совершил паломничество в разные монастыри, но только к этому шел пешком.

Итак, вечером 10 сентября 1619 года Михаил прибыл в Кострому и остановился в Кремле на своем подворье. В течение пяти дней он посещал костромские храмы, вспоминал. А 15 сентября тронулся в путь. С 17 по 20 сентября находился в с. Домнино. 26 сентября, в праздник Покрова Пресвятая Богородицы, царь прибыл в Спасскую пустынь, откуда до монастыря оставалось 20 verst. Началась осенняя распушница, когда «дожди и снега идут многие и грязи великие». Но царь принял решение — идти пешком. Три дня длился нелегкий путь. Народное предание сохранило и осветило царственный путь от Спасской пустыни к обители преподобного. В каждом из пяти селений, где царь, утомленный путем и осенней погодой, отдыхал, были построены часовни.

29 сентября вечером показались стены монастыря. Все увидели расположенную на высоком берегу многоводной реки Унжи обитель. Центральное место в ней занимали два шатровых храма: летний, во имя преподобного Макария, построенный в XVI веке и к 1619 году сильно обветшавший, и зимний — Троицкий, с приделами во имя мучеников Флора и Лавра, на подклете, с трапезою, построенный в 1601 году. Рядом возвышалась шатровая «осмыстенная» колокольня, на которой висело 7 колоколов. Вокруг храма находились жилые и хозяйствственные постройки — игуменская и братские кельи, «хлебня», «поварня» и др. Монастырь был обнесен оградой, за которой стояли «коню-

шенный» и «коровей» дворы [73. С.9-10].

Царя Михаила разместили в деревянных кельях, которые по его указу были специально построены для него внутри монастыря около рва. Через десять лет эти кельи, к сожалению, сгорели. На их месте построили сначала деревянную, а потом каменную церковь.

Михаил прошел в храм преподобного, подошел к гробнице. Описание ее, к сожалению, не сохранилось. По аналогии с другими она была, скорее всего, окружена деревянной решеткой, накрыта плащаницей с вышитым изображением Макария, а на ней стоял образ преподобного, висели зажженные лампады. На 23-летнего царя нахлынули воспоминания, связанные с этим священным местом. Михаил долго молился, истово благодаря преподобному за избавление от всех бед.

1 октября Михаил покинул монастырь, а 7-го прибыл в село Красное. Путешествие затянулось, осенняя непогода усиливалась. Михаил писал отцу: «Мы идем мешкотно (то есть медленно), потому что дожди и снега идут многие и грязи великие, и мы идем, льгота людям нашим». В довершение ко всему начались болезни. Великая старица Марфа Ивановна почувствовала себя плохо по прибытии в село Великое под Ярославлем.

Вернувшись в Москву, Михаил вновь занялся государственными делами, которые отнимали у него много сил. О здоровье Михаила говорят разное. Одни утверждают, что царь был болезненным и хильм человеком. Другие авторы пишут, что в молодости он был довольно крепок — в одиночку ходил с ножом и рогатиной на медведя, совершаил долгие паломничес-

ства по монастырям. Однако, начиная с 1627 года начал страдать от болезни ног. Михаил Федорович был близорук и где-то с 1636 года стал носить очки. Такую роскошь мог позволить себе только царь, поскольку в то время очки были большой редкостью и стоили очень дорого. У Михаила было двое очков. Одни хранились в серебряном очечнике, одна сторона которого была украшена клеймом с двумя львами, а на другой был изображен единорог, дерущийся со змеем. Очечник других был украшен вырезанными птицами. Михаил сделал своему духовнику протопопу Никите поистине царский подарок, подавив ему одни из своих очков.

27 января 1631 года царь Михаил осиротел — скончалась его мама, иночина Марфа и была погребена в Ново-спасском монастыре. А через два года 1 октября 1633 года умер и отец, патриарх Филарет, в возрасте около 80 лет и был погребен в Успенском соборе в Москве.

В начале 40-х гг. здоровье Михаила стало резко ухудшаться. Его мучила одышка, сильно отекали ноги. С 1644 года он практически не выходил из личных по-

коев. Иностранные доктора считали, что болезни царя происходили от много го сидения, от холодного питья и меланхолии, «сиречь кручины». Весной 1645 года ко всем недугам добавилась какое то желудочно-кишечное заболевание. 12 июля того же года в начале одиннадцатого ночи царь Михаил Федорович скончался, «яко неким сладким сном усне». Было ему всего 49 лет. По иронии судьбы, Михаил передал престол своему единственному сыну Алексею, которому, как и ему тоже было 16 лет, когда он стал царем. Но у Алексея, в отличие от отца, было уже настоящее царское детство, а править ему предстояло в совершенно другой стране, более сильной и единой, чем его отцу.

x x x

Какие бы важные дела не отвлекали Михаила Федоровича, он никогда не забывал те места в Костромском крае, где он жил до вступления на престол. «На-

ходясь Михаил в другой губернии, он бы непременно пропал», — утверждает костромской историк В.В. Беляев [4. С.213]. Поэтому в Костромской губернии, как ни в какой другой, Михаилом, его детьми и внуками почитались те места, с которыми была связана жизнь Михаила до восшествия на престол, и направлялись сюда щедрые, по-настоящему царские подарки.

Вскоре после венчания на царство Михаил прислал в Ипатьевскую обитель в память своего здесь восшествия на Всероссийский престол царское место. Оно было резное из липы, остроконечное наподобие древней великолукской короны, имевшей наверху и по бокам государственные гербы. Трон покоялся на четырех старинных резных львах, которые как бы служили для охранения входа в это священное место. В 1658 году его разобрали при перестройке церкви. А в 1767 году, когда в Кострому приехала Екатерина II (1762—

1796), его вновь поставили. Императрица, стоя на нем, слушала обедню, и в память об этом вырезали на нем ее вензель.

Сын Михаила царь Алексей Михайлович (1645–1676) грамотой 25 марта 1650 года приказал построить в Ипатьевском монастыре роскошный Троицкий собор после разрушения его во многих частях от взрыва пороха 29 января 1649 года. В нем около правого клироса были написаны два настенных портрета царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича в нимбах, единственное подобное их изображение в российских храмах. По указанию Ивана V и Петра I Алексеевичей (правили вдвоем с 1682 по 1696 гг.), внуков Михаила, в Костроме были возведены две церкви Предтечи и святых Петра и Павла.

Кельи в Ипатьевском монастыре, в которых Михаил жил, когда приехало Вели-

кое посольство, в разные годы называли по-разному: «Палаты» или «Дворец царя Михаила Федоровича» или «Царские чертоги». С 1802 года, когда из монастыря уехала духовная семинария, началось почитание «царских чертогов» и их постепенное превращение в музей. В них никто не жил, все сохранялось в чистоте. Позднее к ним добавились новые пристройки. В 1834 году Николай I (1825–1855), посетив монастырь, распорядился восстановить ветшавшие постройки монастыря. Сначала архитектор К.А. Тон, а в 1850–60-х гг. Ф.Ф. Рихтер провели реставрационные работы, в ходе которых на территории Ипатьевского монастыря был создан музей – «Палаты бояр Романовых».

Но почему вплоть до XIX века эти кельи не пользовались особым расположением царей? В XVI–XVIII веках только церковным строениям придавали особое значение. На память обычно возводили монастыри или храмы, жертвовали иконы или украшали существующие, а заниматься кельями, в которых временно жил Михаил, никому не могло прийти в голову.

Заботы Михаила были и о самом городе Костроме. К 1619 году прежний Китайгород, расположенный между кремлем и р. Сулей до Анастасииного монастыря с торговыми площадями, лавками и Брагиной улицей был на случай осадного положений обнесен деревянной стеной с 23 башнями и 6 воротами, вокруг выкопан ров с перекидными мостами. Отныне это место стало называться Новым городом. В начале 19 в. рвы были завалены.

Особые привилегии получил Успенский собор Костромского кремля, где хранилась чудотворная икона Федоровской Бо-

жий Матери. Они были сравнимы только с привилегиями Московского придворного Сретенского собора. Царь Михаил повелел давать ежегодно из таможенных костромских доходов к чудотворному образу Богоматери на неугасимую свечу 7 пудов воска, ведро церковного вина и 17 фунтов ладона (около 7 кг). Отныне в Москве и Костроме был установлен праздник чудотворной иконы. Ежегодно 16 августа совершалась торжественная служба. В 1636 году икону обновили.

Вокруг Успенского собора была построена специальная галерея, где отражались и события 1613 года: на трех картинах было изображено торжественное шествие к Ипатьевскому монастырю, встреча посольства в Троицком соборе,

царь Михаил на царском троне в Троицком соборе. В 1773 году в ходе сильнейшего пожара собор был сильно поврежден. Узнав об этом, Екатерина II выделила 12 тыс. рублей из Государственной коллегии экономии на его восстановление. Это были колоссальные деньги, поскольку в то время пуд говядины (16 кг) стоил 28 коп., пуд масла — 1 руб., соли — 20 коп., сахара — 4–6 руб. Овца стоила 30 коп., поросенок — 5 коп., гусь — 9 коп., курица — 2 коп., десяток яиц и 100 огурцов в августе по 1 коп., бочка пива — 3 руб., бочка французского вина — 25–30 руб., бархат, атлас — 1 руб. за аршин (71 см).

Около Успенского собора в память избрания Михаила в Костроме была построена каменная церковь во имя препо-

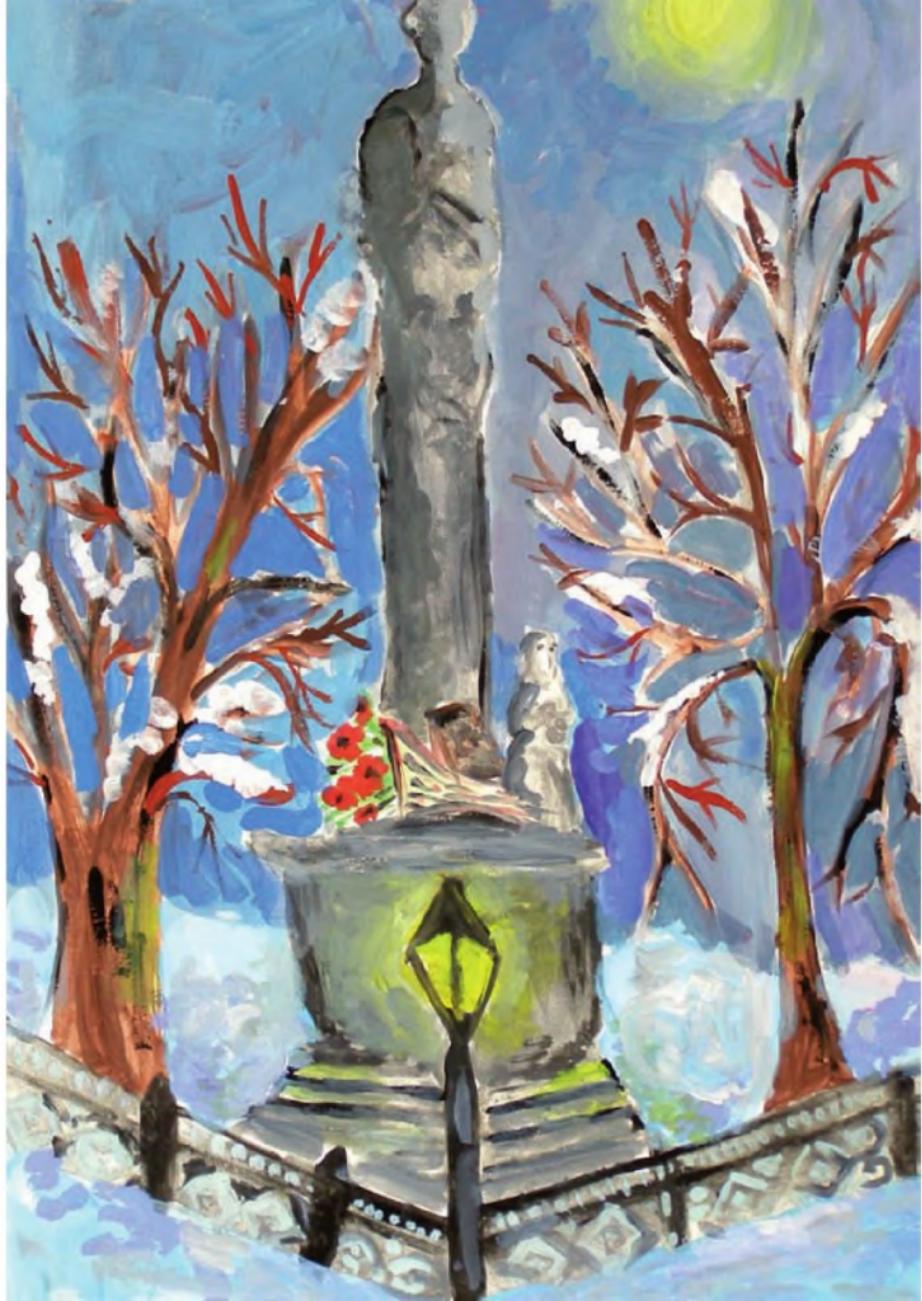
добного Геннадия, первого правовозвестника славы дома Романовых и деревянная церковь во имя московских святителей, как ходатаев за Россию о даровании ей царя Михаила. В 1773 году обе эти церкви сгорели при пожаре и из-за недостатка средств не были восстановлены.

Однако ни одному другому монастырю не оказано таких великих пожертвований как Макарьевской обители. Костромской священник Михаил Раевский в начале XX века утверждал, что «благодаря чудодейственному заступлению преподобного Макария, дарован России Царствующий дом из рода, испытавшего на себе явные знаки особенного, чрезвычайного попечения Промыслла Божия в то время, когда, казалось, Господь Бог отступил от русской земли и народа и без помощи Бога гибла Русь и с него гибло все, что было лучшего в ней» [75. С.85]. После паломничества царя сюда в 1619 году ей были дарованы особые милости. Царь наименовал преподобного Макария Унженского «великим» чудотворцем, повелел монастырю на свои средства отстроить и приравнять по значимости к Соловецкому. Михаил даровал монастырю «многие церковные вещи, такожде и многие земли и села с живущими тамо христианами». Жена Дмитрия Михайловича Пожарского Прасковья Варфоломеевна своими руками по темно-малиновому бархату шелками вышила для Макарьевской обители золотую плащаницу, то есть плоть и лики шиты шелками, а одежды золотом и камнями. Это шитье представляло из себя верх женского искуснейшего рукоделия [4. С.190]. Сбылись предсмертные слова преподобного Макария, ска-

занные им еще в 1444 году: «Братие, не скорбите, но по сему образу разумейте, аще имате дерзновение к Богу, то, по отшествии моем, обитель сия не оскудеет».

Сын Михаила царь Алексей Михайлович принимал деятельное участие в создании каменных церквей в монастыре. Царь Федор Алексеевич (1676–1682), как его отец и дед, питал глубокое почтение к обители Макария. Он обновил и украсил чудотворную икону преподобного Макария драгоценными камнями. Для этого икону специально возили в Москву, откуда ее возвратили с торжественным пением. В крестном ходе принимал участие сам царь. Федор Алексеевич хотел сам побывать в монастыре, но умер. Даже Анна Иоанновна (1730–1740) почтила Макария. Она прислала в монастырь образ преподобного, шитый ею «саморучно» шелками. Спустя почти три века после событий 1613 года император Александр III (1881–1894) настолько был заинтересован Макарьевским монастырем и до-кладами о его редкостях, что специально посыпал князя Вяземского осмотреть архивы и вещи, хранящиеся в ризнице.

До 1912 года в Макарьевском монастыре находилась одноколка. Затем ее перевезли в Ипатьевский монастырь. Кузов одноколки покрашен зеленою масляной краской с позолотой по дереву. По обеим сторонам и над головой изображена сложенная из двух переплетающихся букв монограмма «М І», окруженная цветочным бордюром. На передней стороне кузова над монограммой изображены корона и львы, которые издавна считались символами царской власти. По преданию эта одноколка принадлежала

ла Марфе Ивановне. На ней она ездила, когда приезжала с Михаилом в 1619 году. На обратном пути из обители она не пригодилась, поэтому и сохранилась здесь.

По разным сведениям Макарьево-Унженский или Ипатьевский монастырь или Успенский собор Костромского кремля удостоился особой царской милости. Их представители получили право и обязанность два раза в год ездить в Москву к царю и патриарху со святой водой. В Москве для них был построен особый двор, где они могли останавливаться.

х х х

Итак, мы видим, что к 1613 году, когда, по словам Н.М. Карамзина: «Государство, зараженное нравственную язвою, в страшных судорогах кончалось», кроме Михаила Романова не было другого претендента на царство. Он был прямым родственником старой российской династии Рюриковичей. А преемственность в царствовании — единственно, что признавали все слои общества безоговорочно. Любой другой царь мог хотя и не сразу, но вызвать недовольство, что привело бы к новым войнам и восстаниям и даже к гибели государства. Примеры таких царствований уже были в период смуты: у Лжедмитрия I было до конца неизвестно происхождение, «темная» история со спасением в 1591 году, у В. Шуйского — недостаточное родство со старой династией, а Владислав вообще был иностранец, человек другой веры.

То, что Михаил стал царем, большая заслуга Костромского края. Здесь он скрывался в самые опасные годы смутного

времени, сумел выжить и стать основателем новой династии. Костромская земля, а также святой Макарий Унженский и чудотворная икона Федоровской Божией Матери хранили его. Об этом никогда не забывали сам первый царь из Дома Романовых Михаил Федорович и его потомки.

Источники и литература

1. Баландин Р.К., Миронов С.С. Тайны смутных эпох. – М., 2003.
2. Баженов И.В. Где Михаил Федорович Романов с матерью инокинею Марфою нашел безопасное для себя убежище от преследования поляков в начале 1613 года? – Кострома, 1911.
3. Баженов И.В. Костромской кремль: Историко-археологический очерк. – Кострома, 1905.
4. Беляев В.В. История города Макарьева на Унже и о пребывании в Макарьевском монастыре царя Михаила Федоровича. – СПб.: Издание И.М. Чумакова, 1907.
5. Богданов А. Страсти по Филарету // Наука и религия. – 1993. - №10. – С.2-5; 1994. - № 1,2,4.
6. Бушуев С.В. История государства Российского. Историко-библиографические очерки. Кн.2. XVII–XVIII вв. – М., 1994.
7. Василевский И.М. Романовы. Портреты и характеристики. Ч.1-2. – Новосибирск, 1991.
8. Валишевский К. Первые Романовы. – М., 1993.
9. Валишевский К. Смутное время: историческая хроника. – М., 2007.
10. Великие российские историки о Смутном времени /Авт.сб.: В.Татищев, Н. Карамзин, С. Соловьев, В. Ключевский, Д. Иловайский. – М., 2007.
11. Виноградов Н. Потомки Сусанина (очерки и материалы) // Писцовая и межевая книги по городу Юрьевцу Поволжскому и Стрелецкой слободы 7184 (1676) года. – Кострома, 1912. – С.61-125.
12. Виноградов Н.Н. Сказание о спасении от поляков Михаила Федоровича Романова и о подвиге крестьянина Ивана Сусанина // Костромская старина. Вып. VII. – Кострома, 1912.
13. Вознесенский Е.П. Воспоминания о путешествиях высочайших особ, благополучно царствующего императорского дома Романовых, в пределах Костромской губернии в XVII, XVIII и текущем столетиях. – Кострома, 1859.
14. Горской Д. Записки о России. XVI – начало XVII в. /Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. – М., 1990.
15. Григорян В. Царские судьбы. – М., 2007.
16. Гумилев А.Н. От Руси до России. – М., 2005. Ч.3. Глава II. Смутное время.
17. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Государев двор, или дворец. – М., 1990.
18. Зарезин М.И. В пучине Русской Смуты. Невыученные уроки истории. – М., 2007.
19. Зонтиков Н.А. Иван Сусанин: легенды и действительность. – Кострома, 1997.
20. Игнатьев А. Кострома и Ипатьевский монастырь // Природа и люди. – 1913. – №17. – С.269-272.
21. Иловайский Д.И.Новая династия. – М., 2003.
22. Ишимова А.О. История России в рассказах для детей. В 2-х кн. – М., 1996.
23. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн.третья. Т.IX–XII. – М., 1989.
24. Ключевский В.О. Курс русской истории. – М., 1989. – Т.3.
25. Козляков В.Н. Михаил Федорович. – М., 2004 (Серия ЖЗЛ).

26. Крживоблоцкий Я. Материалы для географии и статистики России. Костромская губерния. – СПб, 1861.
27. Лапкин К. Сусанинские сокровища // Новый меридиан (Бруклин, США). – 2007. – №704. – С.20.
28. Лебедев Д. История соборных храмов Феодоровского и Успенского в г.Костроме в связи с повестью о Феодоровской оконе Богоматери, краткой историей и топографией древнего города: Историко-археологический очерк. – Кострома, 1913.
29. Миловидов И. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Феодоровича. – Кострома, 1886.
30. Михайлова П.А. Во имя истины. – Кострома, 2006.
31. Мордовцев Д.Л. Русские женщины: Биографические очерки из русской истории. – М., 1993.
32. Морозова А.Е. Михаил Федорович. Царь // Вопросы истории. – 1992. – №1. – С.32-47.
33. Морозова А.Е. Смута: ее герои, участники, жертвы. – М., 2004.
34. Начало династии Романовых. Царь Михаил Федорович. – М., 2005.
35. Начало правления Романовых. От Петра I до Елизаветы. – М., 2007.
36. Нечволодов А. Сказания о русской земле. – М., 2006.
37. Носовский Т.В., Фоменко А.Г. Великая Смута. Конец Империи. – М., 2007.
38. Олеарий А. Описание путешествия в Москвию. – Смоленск, 2003.
39. Островский А.Н. Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский // Полн.собр. соч. в 12-ти тт. Т.7. – М., 1977. – С.7-125.
40. Островский А.Н. Козьма Захарьич Минин, Сухорук // Полн.собр.соch. Т.6. - С.7-111.
41. Островский А.Н. Тушино // Полн.собр.соch. Т.7. – С.126-207.
42. Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629/30 гг. /сост. А.А. Ковалева, О.Ю. Кивокурцева – Кострома, 2004.
43. Преображенский А.А., Морозова А.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на Российском престоле. – М., 2000.
44. Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). – М., 1991.
45. Пчелов Е.В. Романовы. История династии. – М., 2003. – 494 с.
46. Рамбо А. Живописная история древней и новой России. – М., 1994.
47. Рогов И.В., Уткин С.А. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. – М., 2003.
48. Родная старина: Отечественная история в рассказах и картинах /Сост. В.Д.Сиповский. – М., 1992.
49. Романовы. Триста лет служения России. – М., 2004.
50. Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. – Смоленск, 2003.
51. Румянцев А.Ф. Я видел Сусанина: Два путешествия за Стену Веков. – Ярославль, 1988.
52. Русские цари. Альбом. – СПБ., 2002.
53. Русское градостроительное искусство: Градостроительство Московского государства. XVI – XVII веков. – М., 1994.
54. Рылеев К.Ф. Полное собрание стихотворений. – М., 1971.
55. Северцов-Полилов Г.Т. Детские годы Михаила Феодоровича // Природа и

- люда: Иллюстрированный журнал науки, искусства и литературы. – 1913. – №17. – С.262-268.
56. Скворцов А. (член Костромской ученой архивной комиссии). Материалы для истории города Костромы. Часть 1. – Кострома, 1913.
57. Скрынников Р.Г. Борис Годунов. – М., 1983.
58. Скрынников Р.Г. Лихолетье. Москва в XVI-XVII вв. – М., 1988.
59. Скрынников Р.Г. Михаил Романов. – М., 2005.
60. Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII века. «Смута». – М., 1988.
61. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». – М., 1981.
62. Скрынников Р.Г. Святители и власти. – А., 1990.
63. Скрынников Р.Г. 1612 год. – М., 2007.
64. Славянская энциклопедия. XVII век: в 2 т. Т.1. – М., 2004.
65. Соколов А.А. Сожжение разрядных книг: историческая хроника-роман конца XVI и начала XVII столетия. Часть 1. Михаил Романов // Родина. – 1890. – №23–30.
66. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн.IV. Т.7–8. История России с древнейших времен. – М., 1989.
67. Соловьев С.М. Сочинения. Кн.V. Т.9-10. – М., 1990.
68. Тихомиров Д.И. Из истории родной земли. – М., 1996.
69. Три века: Россия от Смуты до нашего времени: В 6-ти т. Т.1. – М., 2007.
70. Троицкий П.С. Костромской край. – Кострома, 1909.
71. Троицкий П.С. Михаил Федорович романов в своих отношениях к Костромскому краю // Костромской край. Юбилейный сборник 1613–1913 гг. – Кострома, 1913.
72. Ульяновский В.И. Смутное время. – М., 2006.
73. Херсонский И. Аетопись Макарея Унженского монастыря. Вып.1. – Кострома, 1988.
74. Широкорад А.Б. Путь к трону: Историческое исследование. – М., 2004.
75. Юбилейный сборник Костромского церковно-исторического общества в память 300-летия царствования Дома Романовых. – Кострома: Губернская типография, 1913.

